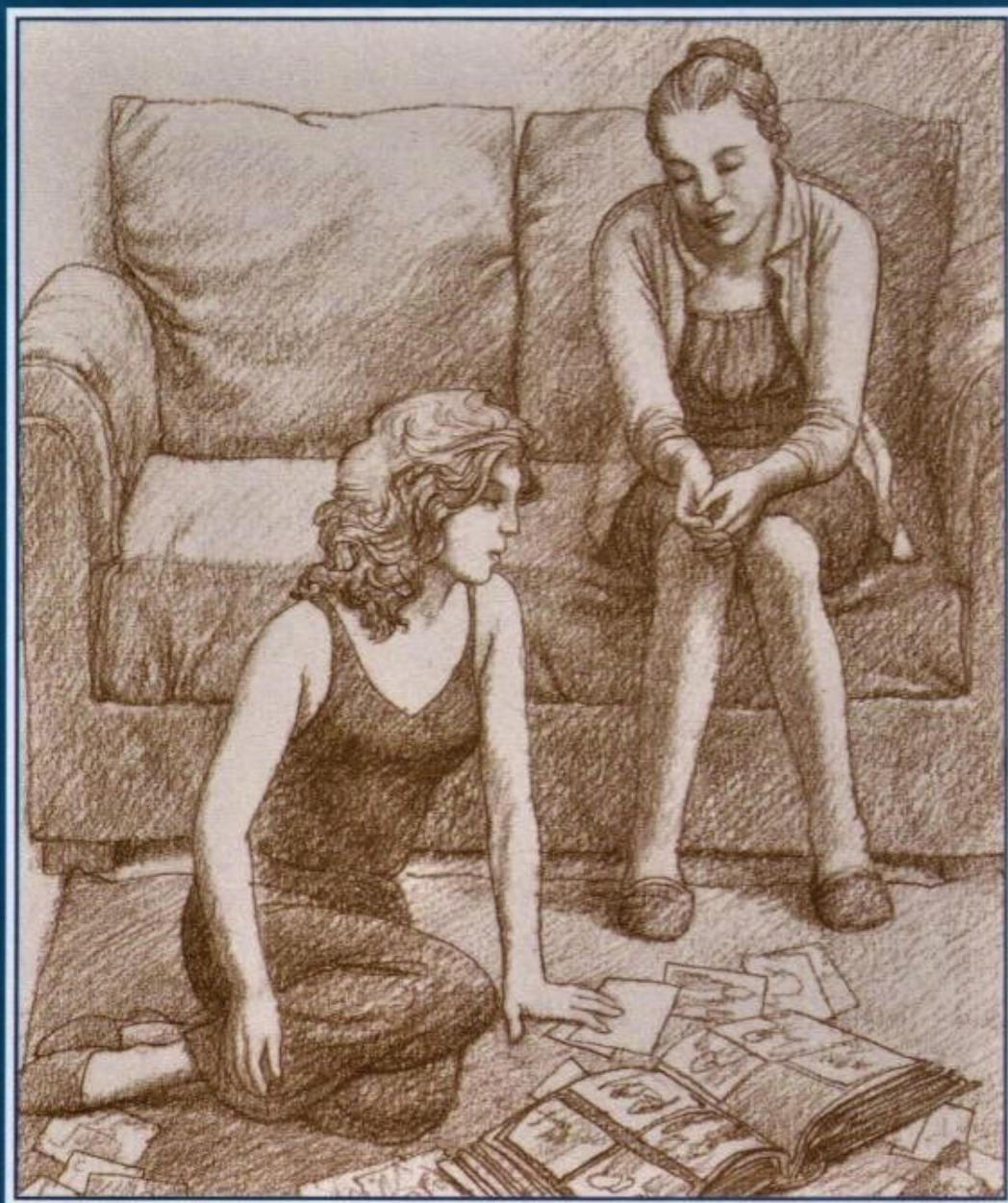

Добрые книги Ирины МАРТОВОЙ

Ирина Мартова

*Однажды,
когда-нибудь...*

Ирина Мартова
Однажды, когда-нибудь...

«Художественная литература»

2015

УДК 882
ББК 83.3(2Рос-Рус)

Мартова И.

Однажды, когда-нибудь... / И. Мартова — «Художественная литература», 2015

ISBN 978-5-280-03692-5

Увлекательно и мудро, психологически точно и проникновенно рассказала Ирина Мартова в своем романе «Однажды, когда-нибудь...» о непростых, порой трагично складывающихся судьбах трех закадычных подруг – Вареньки, Юли и Лиле. Такие разные, они каждая по-своему борются за свое счастье, не теряя веру в то, что рано или поздно в их жизни все будет хорошо...

УДК 882
ББК 83.3(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-280-03692-5

© Мартова И., 2015
© Художественная литература, 2015

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	39
Глава 11	42
Глава 12	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ирина Мартова

Однажды, когда-нибудь...

Вариации на тему любви

*Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может – пьют вино,
Может – так сидят.
Или просто – рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое...*

Марина Цветаева

Оформление художника Т. Погудиной

Иллюстрации художника А. Дудина

© И. Мартова. Текст. 2015

© А. Дудин. Иллюстрации. 2015

© Т. Погудина. Оформление. 2015

© Издательство «Художественная литература». 2015

Вместо предисловия

Я боюсь одиночества...

Я так боюсь одиночества, что слезы начинают струиться по моему лицу лишь при появлении мысли о том, что однажды я могу оказаться одна.

Без тебя.

Мне страшно... Ужасно и жутко!

А ведь в народе говорят, что не нужно искушать судьбу: чего боишься, то и произойдет. Испуганно мотаю головой, чтобы отогнать дурацкие мысли.

Закрываю глаза и в этой бездонной слепой темноте протягиваю вперед руки, пытаюсь дотянуться до тебя.

Вокруг никого!

Я снова и снова ловлю пустоту...

Где ты? Что происходит?!

Судорожно вздрагиваю, кричу и... просыпаюсь!

Еще не веря своему счастью, медленно и осторожно приоткрываю глаза...

Слава богу, это только сон. Дурной, тяжелый и безжалостный.

Господи! Я так боюсь одиночества.

Пожалуйста, не исчезай...

Не исчезай, любимый!

Глава 1

День едва-едва занимался.

Новый, свежий, июньский...

Яркое, огненное, ленивое солнце медленно, словно любясь собой, поднималось из-за далекого горизонта, озаряя небосклон и освещая верхушки деревьев розовым, пока не горячим светом. То там, то здесь раздавалась негромкая, еще очень робкая трель невидимой глазу птахи, которая будто заранее, трепетно и нежно, репетировала предстоящую ей дневную партию.

Было тихо-тихо.

Это утреннее безмолвие казалось тонким, хрупким, ломким и поэтому каким-то особенно благодным, что ли...

Но это глубокое, временное безмолвие все смелее и смелее нарушалось привычными слуху, обычными дневными звуками, постепенно, но властно наполняющими просыпающийся город.

Варя открыла глаза и, чуть повернув голову, взглянула на будильник, мерно и безразлично тикающий на прикроватной тумбочке.

Ого! Четыре тридцать...

Боже, как рано! Спать бы еще да спать!

Варвара поудобнее устроилась на низкой, почти плоской подушке и прикрыла глаза. Вот бы опять уснуть! Провалиться в густой сон, долгий и тягучий и, ни о чем не беспокоясь, спать, спать, спать...

Но нет, она знала почти наверняка, что сон в это утро к ней уже не вернется. В последние два года она спала мало, беспокойно и тревожно.

Если вообще спала...

Варвара резко перевернулась на спину. Зажмурила глаза, стараясь ни о чем не думать.

Но не тут-то было!

Почти каждую ночь ей все снился и снился один и тот же страшный сон. Или явь? Варя совсем запуталась...

Все так перемешалось, переплелось – день и ночь, сон и явь, ночные кошмары и ежедневные жестокие воспоминания, рвущие сердце!

Она опять открыла глаза и изо всех сил замотала головой, пытаясь отогнать ужасные видения, приходящие по ночам и бередящие и без того истосковавшуюся душу. Глаза внезапно наполнились слезами.

– Господи, – почти беззвучно прошептала она, с усилием сглотнув вдруг вставший в горле комок, сильно мешавший дышать, – ну почему, почему и я не умерла тогда, вместе с ним? Зачем, ну зачем я осталась? Для чего?

Она, жалобно всхлипывая, совсем по-детски, заплакала.

Безутешно рыдая, Варька громко шмыгала носом и отчаянно моргала мокрыми ресницами. Казалось, что горе, переполнившее ее до краев, вот-вот вырвется наружу и захлестнет ее уже давно привычной истерикой. Но тут, словно напоминая женщине о несправедливости ее желаний, за дверью соседней комнаты послышались какая-то возня и негромкий детский плач. Варя, тут же смахнув катившиеся по лицу слезы, тревожно прислушалась. «Аська, – мелькнуло в голове, – проснулась, малышка моя. Надо же, тоже не спится ей».

Девочка в соседней комнате что-то капризно говорила, плаксиво растягивая слова. Но уже через мгновение, словно вторя ей, раздался еще один голос, громкий и недовольный, как у человека, которому вдруг помешали спать. Женщина, убрав рассыпавшиеся волосы с лица, улыбнулась: «Сенька... Вот уж кто всегда сладко спит, а тут, смотри-ка, помешали ему!»

Варя, не двигаясь, опять настороженно прислушалась. Вот где-то сердито скрипнула дверь, вот зашлепали по полу торопливые шаги, вот тихий голос мамы, Александры Львовны, что-то проговорил, баюкая и успокаивая вдруг проснувшихся малышей. Ласково и очень тихо мама что-то запела, присев на скрипнувший, давно рассохшийся от времени стул.

Минут через семь все смолкло.

Внезапно опять наступила такая оглушительная тишина, что Варвара даже голову приподняла, стараясь понять, что же там, в детской, сейчас происходит. Но как только угомонившиеся дети тихонько засопели в своих кроватках, шаркающие мамины шаги медленно двинулись в сторону Вариной комнаты. Дверь слегка приоткрылась, и в нее осторожно проскользнула, придерживая на груди старенький цветастый халат, мама. Подойдя к кровати, женщина внимательно взглянула на дочь и, тяжело вздохнув, сделала вперед еще шаг. Постояла, внимательно глядя на дочь, присела на краешек и укоризненно прошептала:

– Ну? Что ты? Опять не спишь?

Варя, чуть улыбнувшись, пожала плечами:

– Нет. Не спится!

Она приподнялась на локте:

– Мама, а ты помнишь, какой сегодня день?

Александра Львовна, тяжело вздохнув, кивнула:

– Конечно, детка. Помню.

Глаза Варьки опять наполнились слезами:

– Кошмар... Я до сих пор в себя прийти не могу! Не верю, что его нет с нами...

Она уткнулась в подушку и опять горько зарыдала.

Александра Львовна печально вздохнула, протянула руку и погладила дочь по голове, совсем как в детстве:

– Ах, Варя, Варя... Доченька! Опять ты за старое! Знаю, все знаю, тяжело тебе... Это горе всю жизнь с тобой будет, но нельзя же только этим жить?! А?! Что ты с собой делаешь?! Не спишь, не ешь, никуда не ходишь... Ты думаешь, это хорошо?

Александра Львовна покачала головой:

– Перестань же, детка, наконец, мучить себя. Ну сколько можно... То, что случилось, беда страшная, конечно, что уж тут скажешь. Но ведь жизнь, Варюша, идет. Слышишь? Идет!

Мама помолчала, словно собираясь с мыслями или что-то вспоминая:

– Знаешь, я каждый день Бога благодарю, что хоть ты уцелела, а ты сама себя убиваешь! Грех это, Варенька, большой грех. Надо жить, доченька! Жить! И опять же дети у тебя... Они же все понимают, чувствуя твое беспокойство и боль, тоже волнуются, плохо спят, плохо едят... Хватит уже, Варюша! Прошедшего не вернешь и не исправишь!

В комнате повисло тягостное молчание.

Варя прикусила губы, чтобы снова не расплакаться, помолчала, глядя в сторону, и, нахмурившись, досадливо прошептала:

– Ой, мама, мама... Опять ты за свое? Перестань! Не надо. Сколько можно? Как ты не понимаешь – это внутри меня, это сильнее меня... Умом я все понимаю, а душа не хочет смириться! Понимаешь? Не хочет!

Но Александра Львовна ласково взяла дочь за руку:

– И все же, Варюша, пойми, так нельзя! Надо пере-листнуть прожитую страницу и идти дальше! Иначе нет жизни! Пойми, все помнят прошлое, но живут настоящим! Нельзя все о прошлом да о прошлом... Не хочешь о себе, о детях своих подумай.

Варвара долго молчала, и только потом, хмуро взглянув на мать, торопливо кивнула:

– Ладно, ладно... Все будет хорошо, мамочка. Я переживу это... Конечно, переживу. Дай только мне время, не торопи. Хорошо?

Видя, что мать по-прежнему печально глядит на нее, Варвара добавила:

– Ну, все, все... Не волнуйся, иди поспи, еще рано.

Александра Львовна тяжело вздохнула, погладила дочь по плечу и, улыбнувшись, прошептала:

– А я сквозь сон шум услышала и бегом в детскую... Ася проснулась, одеяло сползло, вдруг закапризничала, расплакалась, а Сеня в ответ ей как забубнил, как недовольно заворчал... Сразу видно – мужичок! Смешной такой!

Варя, благодарная матери за то, что она так легко и непринужденно сменила тему разговора, озабоченно спросила:

– Уснули?

– Уснули. Спят ангелочки наши, – Александра Львовна ласково усмехнулась, – растут малыши...

– Да, растут, – вторила ей Варя, думая о чем-то своем, потом, спохватившись, проговорила:

– Ну, все, все... Иди, мамочка, иди полежи еще.

– И то, пойду, – Александра Львовна тяжело встала с кровати, – ой, зябко что-то. Может, окно прикрыть?

Варя покачала головой. Мать, постояв еще секунду, украдкой перекрестила дочь и осторожно вышла из комнаты, тихонечко прикрыв за собой дверь.

Город просыпался.

То там, то здесь раздавались требовательные звонки приближающихся трамваев, добросовестно развозящих только что проснувшихся горожан по многомиллионной столице. Уже начинали скапливаться возле светофоров нетерпеливо сигналившие машины. Солнце, поднявшееся за прошедшие два часа высоко над горизонтом, властно вступало в свои права, готовясь одарить горожан очередной порцией палящего зноя.

Июнь, в этом году, на удивление, жаркий и сухой, радовал высоким, совершенно безоблачным небом, бурно зеленеющими деревьями и еще по-утреннему чистым, словно прозрачным, воздухом.

День завертелся, закружился, покатился...

Новый день. Новые заботы.

И только Варя, живущая последние два года словно в забытьи, между явью и сном, между ночными кошмарами и дневными отчаянными, горькими размышлениями, ничему не радовалась и ничего не замечала.

Ни-че-го...

Просто жила: дышала, ела, спала и плакала...

Просто существовала.

Заново училась жить.

Одна.

Без него.

Глава 2

Варька попала в восьмой класс этой старой знаменитой московской школы совершенно случайно. Ее родители не ходили к директору не искали знакомых, не носили подарков... Ничего этого не было. Все решил случай.

До этого они жили в относительно небольшой провинциальной Твери. Хотя насчет небольшой – это как посмотреть. Наша бескрайняя Родина насчитывает тысячи городишек и значительно меньше Твери. В общем, жили они поживали, но тут вдруг отцу, инженеру-конструктору, попала, как говорится, «вожжа под хвост». Надумал он ехать в Москву, благо было куда, – его лучший друг, Василий Кузьмич, давно уж служил главным инженером на каком-то славном московском заводе. Случилось же все это великое переселение где-то в восьмидесятых годах прошлого, двадцатого века. Квартир уже, как известно, не давали, но можно было купить, если опять же средства позволяли. Отец, однажды заболев своей мечтой жить и работать в столице, прямо как с ума сошел – не спал, не ел, только об этом говорил, все планы строил. В общем, однажды он перешел от бесконечных и уже порядком всем надоевших разговоров к решительным действиям: продал их светлую и уютную трехкомнатную квартиру вместе с бабушкиной «двушкой», которую та, умирая, маме завещала, и с помощью все того же неугомонного друга своего, Василия Кузьмича, приобрел двухкомнатную крохотную квартиру в столичном доме, стоящем прямо напротив самой знаменитой московской школы. У Варьки и выбора-то не было – пошла в школу, так сказать, по месту жительства.

Варюха росла девчонкой красивой: волосы какого-то не то русого, не то золотого цвета, глаза то ли серые, то ли темно-голубые, большущие, кожа, словно персик, чуть розоватая. Ох и хороша ж девчонка была! Но при всем этом было в ней еще что-то наивно-трогательное, чистое, натуральное, что ли... Она казалась тем необычным и нежным цветком, на который хотелось без усталости глядеть, любоваться, но руками не трогать. Варя, в отличие от подруг, и косметикой-то не увлекалась, матушка природа всем щедро поделилась с ней. Когда девочка впервые вошла в свою новую школу, с мужской половиной класса случился настоящий коллапс, а женская половина просто застыла в недоумении и жутком, жестоком огорчении: откуда, мол, звезда такая и зачем она вообще нужна в нашем классе...

Мальчишки долго молчали, пораженные ее какой-то совершенно не детской красотой. И только один из новых одноклассников, вынырнув из оцепенения раньше других, быстренько сдвинул свои книги на край парты и громко сказал, окинув при этом класс взглядом победителя:

– Привет. Иди сюда. Садись со мной, здесь свободно.

Варя, совершенно растерянная и смущенная, благодарно взмахнула ресницами и, сделав шаг к нему навстречу, радостно улыбнулась:

– Спасибо.

Осторожно пробравшись к третьей парте у окна, девочка робко присела на краешек стула. Щеки полыхали румянцем, она чувствовала, что устремленные на нее взгляды одноклассниц старательно сканировали новенькую, пытаясь найти хоть какие-то изъяны в ее внешности. Совсем растерявшись, Варя опустила голову и исподлобья взглянула на соседа по парте. Тоже светловолосый, улыбчивый, чем-то похожий на нее, мальчишка приветливо кивнул, слегка прищурившись:

– Не бойся! Держись! Девчонки у нас неплохие, но поначалу кусать тебя будут, не сдавайся!

Варя благодарно взглянула на него из-под длиннющих ресниц и прошептала:

– Угу... Спасибо. Как тебя зовут?

Мальчишка наклонился низко к парте, взял блокнот и, перевернув чистый листок, написал крупно:

– Александр.

Варя, прочитав написанное, вспыхнула от радости:

– Ой, как и мою маму! Она тоже Александра!

Сосед по парте приложил палец к губам, призывая девочку к тишине. От волнения Варька даже и не заметила, как в класс вошел учитель.

С того дня жизнь для Варвары разделилась на две части: до встречи с Сашей и после нее. Ребята стали дружить, и дружба их была такой чистой и искренней, какой может быть, наверное, только в детстве.

Саша тоже жил недалеко от школы. По утрам мальчик подходил к ее подъезду в условленное время и терпеливо ждал, когда появится Варька. Она выскакивала из подъезда, легко перепрыгивая через ступеньки и радостно сияя, вспыхивала ему навстречу ослепительной улыбкой: – Привет!

Он поначалу сдержанно, по-мужски степенно, кивал ей: – Привет!

А потом, не выдержав этой своей важности и солидности, он заливался счастливым смехом:

– Варька! Проспала! Опять проспала!! Ты, как всегда, опоздала на три минуты!

– Подумаешь, три минуты, – смешливая девчонка озорно встряхивала головой, отбрасывая непослушную челку в сторону:

– Эх ты, зануда! Разве это время – три минуты? Мог бы и не заметить или хотя бы сделать вид, что не заметил!

Так, легко перебраниваясь и подтрунивая друг над другом, они незаметно доходили до школы. Но и там, не расставаясь, они сидели вместе. Ну а после школы Саша, конечно же, провожал ее домой. Подолгу не расходясь, они стояли у Варькиного подъезда, не замечая времени: то по полчаса, то по часу... В общем, к одиннадцатому классу все стали воспринимать их как единое целое. Удивительно похожие друг на друга, красивые и веселые, они казались прекрасной парой. Учителя, качая головой, изумлялись: «Надо же! Они словно друг для друга созданы!»

Их отношения, конечно, менялись со временем.

Они выросли. Из дружбы постепенно родилась влюбленность, потом любовь... Но любовь эта нисколько не умалила чистоту их отношений, они стали только нежнее глядеть друг на друга, иногда долго молчали, взявшись за руки. Ребята редко ссорились, да и то минут на десять... Так и шло время. Вернее, бежало, бежало без оглядки!

И что интересно – у Варьки, несколько скрытной и застенчивой, совершенно не было никаких секретов от Саши. Она даже представить себе не могла, как бы попыталась хоть что-то утаить от своего преданного рыцаря. Наоборот, если с ней что-то вдруг приключалось, она не могла дождаться той минуты, когда увидит Сашку и все ему расскажет. Мобильных телефонов, так избаловавших нынче нас, как известно, в конце восьмидесятых годов прошлого века еще не было, поэтому молодым людям приходилось довольствоваться либо домашним городским телефоном, либо терпеливо ждать очередной встречи.

Надо сказать, что Варька к выпускному классу стала просто писаной красавицей. Ее волосы, раньше светло-русые, теперь отливали золотом спелой пшеницы, длинная челка, постоянно падающая на глаза, вдруг открывала чистый высокий лоб и поразительные глаза, которые удивляли не столько цветом, сколько каким-то особым взглядом. Ее темно-голубые, с каким-то странным серым отливом глаза смотрели на собеседника серьезно, задумчиво и как-то печально, будто она заранее знала что-то такое, чего еще не знал никто из окружающих. Сашка влюбился в нее так, что порой ему казалось, что он дышать без нее не может. Даже двигаться не хотелось! Зато когда Варька появлялась где-то в поле его зрения, он оживал, ста-

новился веселым, смешливым и очень галантным. Высокий, очень стройный, умный и воспитанный, Сашка, сам того не ведая, невольно заставил страдать не одну девчонку, но для него самого во всем мире существовала только она одна – Варька.

Глава 3

Школьные годы, как и поется в известной песне, конечно, чудесные, но пролетают они так быстро, что всю эту их прелесть мы осознаем лишь тогда, когда они уже в далеком-далеком прошлом.

Варвара не стала исключением. Они с Сашкой совершенно не задумывались о том, хорошо ли им живется сейчас, скорее наоборот – они без конца мечтали о том, как, наконец, закончат школу, поступят в институт и освободятся от порядком надоевшей родительской опеки. Им хотелось самостоятельной взрослой жизни, свободы и независимости. От чего свободы и какой независимости, они не задумывались, но взахлеб мечтали о том времени, когда, наконец, смогут сами решать свои проблемы и выполнять любые желания.

Ну что ж... Время скоротечно.

Ребята и не заметили, как прозвенел последний школьный звонок, как было написано выпускное сочинение, как пролетели экзамены, как отгремел выпускной вечер.

Только уже гуляя с одноклассниками по ночной Москве, Варька вдруг осознала, что это действительно последний вечер их уходящего в небытие детства. Его последние мгновения... А завтра утром наступит та самая взрослая жизнь, о которой они с Сашкой так мечтали долгими-долгими вечерами. Девушка неожиданно поняла это и внезапно почувствовала, как слезы покатались по щекам. Сашка же, услышав ее всхлипывания, даже поначалу растерялся:

– Эй-эй, ты чего? Варька?!

– Ничего, – глотая слезы, расстроено прошептала Варька. – Ничего. Просто прощаюсь с детством... Нашим беззаботным детством.

Услышав ее слова, Сашка тоже как-то присмирел, приумолк. И ему вдруг тоже стало безумно жаль и их учителей, сразу ставших родными и милыми сердцу, и их класс, который они сами по осени оформляли, и их бестолковую возню на переменах и беспричинный дикий хохот над дурацкими шутками одноклассников, сегодня вдруг внезапно ставших взрослыми, и их любимую классную даму, отчего-то сразу как-то осунувшуюся и постаревшую...

Варвара, всхлипнув, заглянула ему в глаза:

– Как же это? Санечка? Неужели мы уже никогда не вернемся в нашу школу? Не сядем за парту? Не будем считать минуты до звонка? А?

Сашка обнял ее за плечи и шепотом продолжил:

– Не будем убегать с уроков! Не будем списывать контрольные по геометрии! Не будем толкаться в очереди в школьном буфете! Не будем прятаться в раздевалке от классной...

Он помолчал и негромко закончил:

– Да, да, да... Ничего этого, Варюха, в нашей жизни уже не будет! Никогда. А жаль...

И она, всхлипнув, вторила ему тихим эхом:

– Жаль! Очень жаль...

Взявшись за руки, они побрели по улице Горького, вышли на Красную площадь, где уже гуляли сразу повзрослевшие столичные выпускники, пошли по Васильевскому спуску... Вся Москва лежала у их ног, и дух захватывало и от этой древней красоты, и от осознания своего внезапного взросления, и еще от чего-то, о чем не хотелось говорить вслух!

...Рано или поздно все заканчивается. Закончилась, наконец, и эта долгая, праздничная, суматошная ночь.

Утро следующего дня наступило поздно.

Варька, уснувшая только в седьмом часу, все никак не могла открыть глаза, а над ухом ее кто-то настойчиво и нудно твердил:

– Вставай, соня-засоня! Хватит спать! Подъем!

Вначале, спросонья, девушка все никак не могла понять, чей же это голос, кто же так противно бубнит над ухом, а потом, чуть приоткрыв один глаз, она сразу узнала своего младшего брата, который, стоя возле нее, медленно и упорно повторял одно и то же, пытаясь то ли разбудить ее, то ли, наоборот, основательно разозлить.

С трудом разлепив слипающиеся от бессонной ночи глаза, девушка показала братишке кулак, потом перевернулась на другой бок и, положив на голову подушку, приготовилась спать дальше, но не тут-то было... В комнату вошла мама и, присев на краешек ее кровати, как делала это всегда в детстве, негромко произнесла почти то же самое, что только что бубнил брат:

– Просыпайся, дорогая. Слышишь? Просыпайся...

– Ну, мама! – Варька досадливо сморщилась и капризно протянула: – Я спать хочу! Отстаньте, дайте выспаться!

Мама рассмеялась:

– Привыкай, милая моя. Вот такая она, эта взрослая жизнь... Здесь уж далеко не всегда ты делаешь то, что хочется!

– Да?! – Взлохмаченная и заспанная Варька сердито приподнялась с подушки: – Как это?

– А вот так! – мама развела руками, – теперь чаще ты будешь жить по принципу: не хочу, но нужно! Это и есть та самая взрослая жизнь, к которой вы с Санькой так стремились.

– О ужас! – Варька закатила глаза и с размаху упала головой в подушку громко простонав: – Нет, тогда я хочу вернуться в детство!!!

К сожалению, а возможно, и к счастью, есть такие желания и мгновения в нашей жизни, которые повторить невозможно! Да и не нужно... Зачем?

Всеми, как говорят, свое время!

Варвара повзрослела. И началась новая жизнь.

И эта новая, взрослая жизнь теперь уже не казалась ей такой страшной и ужасной, она уже представлялась ей несколько не хуже прежней. Только, быть может, чуть сложнее, чуть опаснее, чуть ответственнее... Но это была ее, Варькина, жизнь, и девушка надеялась прожить ее так, как учили на уроках литературы, – достойно и ответственно. Ну и, конечно, с Сашкой! Обязательно! Только с ним.

Минуты бежали, складываясь в дни и ночи... Где-то через неделю все так закрутилось, что Варьке и вздохнуть-то было некогда. В последующие дни и она, и ее родные находились в ужасном волнении: началась пора вступительных экзаменов.

О, это были поистине сумасшедшие дни! Час пик, как говорится! Тогда не придумали еще этого массового испытания под жутким названием «ЕГЭ». Абсолютное большинство выпускников советских школ, желающих учиться, ехали со всех концов нашей необъятной страны в выбранные ими вузы, чтобы, пережив безумные две недели, наконец-то, разделить на совершенно счастливых поступивших и жутко несчастных провалившихся на вступительных экзаменах.

Варька и Сашка давно решили, что будут поступать в один институт, медицинский. Медицина влекла их неотвратимо. И вовсе не потому, что Варькина мама работала врачом, и совсем не потому, что Сашкин отец умер от страшной болезни, – просто им обоим казалось, что это самая благородная и гуманная профессия на свете. Готовились они, конечно, вместе, поступали тоже вместе, – и надо же – счастье и тут им улыбнулось!

Они поступили! Оба! С первого раза... Узнав об этом, Варька завизжала от восторга и кинулась на шею маме, которая обняла ее, пряча слезы.

Ну что ж... Вот и началась настоящая взрослая жизнь. Еще какая взрослая! Ого! Зачеты, экзамены, семинары, лекции... Ой, всего и не перечислишь!

Учились ребята с удовольствием, но уже к третьему курсу их интересы разошлись. Варька, обожавшая детей, решила во чтобы то ни стало быть педиатром, а Сашка однажды вечером сообщил ей, как отрезал, что станет хирургом. Услышав это, Варька нахмурилась. Она

не хотела разлучаться с Сашкой ни на секунду, и ей казалось неправильным, что он выбирает другую специализацию. Конфликт назревал.

Поначалу они спорили до утра, до хрипоты, старательно доказывая свою правоту и несостоятельность доводов другого, а потом, махнув рукой на эти бесконечные споры, долго целовались, решив, что худой мир лучше доброй ссоры.

Ребята так любили друг друга, что уже на пятом курсе поженились, став самой красивой семейной парой факультета, а через год, когда Варьке исполнилось двадцать четыре, у них родился сын Арсений. Сенька, как любовно называл его Сашка, баюкая своего наследника на руках.

Глядя на беспечно спящего малыша или на уставшую взлохмаченную Варьку, Саша и сам иной раз не верил, что Бог дал ему такое счастье. Он ни о чем не мечтал и ничего иного не хотел, повторяя иногда, как заклинание: «Ничего другого не хочу! Пусть все будет так, как есть...»

Размышляя о жизни, и мама Варьки только головой покачивала: надо же, вот выпало Варюшке счастье – и муж золотой, и сынок, и работа.

Спасибо, Господи!

Так и жили – не тужили... А время шло, неумолимо отсчитывая мгновения, слагающиеся в сутки, недели, месяцы, убегающие в пустоту и небытие.

Сенька благополучно подрастал. Потом еще одно чудо появилось в их доме – через два года родилась дочь, которую назвали Асей.

И покатила жизнь дальше, покатила...

Ах, если бы знать судьбу! Если бы знать...

Красивые, молодые, умные, они жили, любясь друг другом. Варька страстно любила и жалела мужа, зная, как он устает на работе, это ведь не шутка – по несколько операций в день! Ведь вот правда в песне поется: «...Бесконечно любя, женщина скажет – жалею тебя!» И переплелась в ее сердце та самая бабья жалость с любовью так, что и не поймешь, где конец, а где начало. Варька была абсолютно уверена, что чувствует своего мужа, как никто другой, и заранее знает все, что с ним может произойти. Варька была уверена, что сердце обязательно подскажет ей, что ее мужу нужна помощь, что ее интуиция в любом случае уберезит любимого от всякого зла.

Ах, Варька, Варька... Подвело сердце, не помогла интуиция...

В тот день, тот страшный день, который разорвал соединяющую их нить, Варвара совершенно ничего ужасного не почувствовала.

Не предчувствовала беды.

...Была суббота, выходной день. Она встала, как обычно, с утра пораньше. Заварила чай, нажарила сырников, так любимых Сашкой, детям сварила кашу. Покормила малышкой, поболтала с подружкой по телефону. Сашка завтракать не стал, только выпил чашку кофе, звонко чмокнул Варьку в щеку и, махнув рукой на прощание, вышел из квартиры, осторожно захлопнув за собой дверь. Варька, привычно хлопоча, возилась с детьми, потом приехала мама, которая обещала посидеть с малышами, пока Варвара с Сашкой съезжают по своим делам, заедут на рынок, а вечером к друзьям в гости. День, такой же, как всегда, как и сотни других, ничем не особенный, плавно набирал обороты. Нужно было многое успеть, поэтому Варька, быстренько одевшись, наспех прихорашивалась у зеркала, нетерпеливо поглядывая на часы. Муж, наконец, позвонил и сказал, что уже подъезжает к дому. Варвара поцеловала маму, погладила детишек по головкам и поспешно выскочила на лестничную площадку.

Торопясь и путаясь в длинной легкой юбке, Варька старательно уселась в машину, выговаривая Сашке за опоздание.

Ах, если бы она знала, что буквально через несколько минут ее счастливая жизнь разлетится на осколки, как разбитое зеркало! Если бы знала, что только несколько мгновений отделяло ее теперь от ужасного несчастья, поджидающего их за углом!

Муж был в отличном настроении, смеясь и балагурия, он развернул машину и осторожно проехал по длинному двору их огромного дома. Детишки азартно катались на велосипедах, малыши возились в песочнице, старики дремали на солнышке – благо июнь радовал теплом и солнцем. Аккуратно объехав весь дом, Сашка повернул руль и стал выезжать со двора на шоссе, по которому неслись в несколько рядов машины. Привычно оценив ситуацию, Сашка поддал газу, чтобы влиться в поток стремительно летящих автомобилей, но в это же самое мгновение из правого ряда вынырнул огромный КамАЗ, забывший включить поворотник, и со всего маху, даже не тормозя, налетел на их небольшую машинку, тоже в это мгновение набирающую скорость. Сминая все на своем пути, огромный КамАЗ летел еще какое-то время, свистя тормозами и таща их покореженный и раздавленный автомобиль за собой.

Сашка, такой любимый, озорной, веселый и смеющийся, погиб в то же мгновение, даже не успев вскрикнуть.

Варька, с переломанными руками, ребрами и ногой, множественными ушибами и сотрясением мозга, потеряла сознание, но осталась жива.

Вспыхнула ярким светом, полыхнула молнией и разорвалась, рассыпавшись на миллионы крошечных искр, их огромная любовь и счастливая беззаботная жизнь.

Погасло пламя, и все поглотила холодная, бездушная тьма.

Это случилось ровно два года назад.

В такой же теплый и солнечный июнь.

В субботу, которая разорвала жизнь Варьки надвое.

Глава 4

Николай подъехал к дому, когда уже почти совсем стемнело. Желтые огни фонарей довольно ярко освещали улицу, разрывая уже стусившуюся темноту на множество больших светлых кругов. Наступающая ночь обещала быть душной и липкой, как и все предыдущие ночи этого необычайно теплого июня. Николай, выйдя из машины, поднял голову и взглянул на окна четвертого этажа. Широко распахнутые рамы, не задернутые шторы, ярко освещенные комнаты... Коля тяжело вздохнул: «Эх, жизнь-злодейка!» и шагнул к подъезду. Сестру, взбалмошную, упрямую и умную Варьку, он обожал и до сих пор не мог понять, как могло случиться с ней такое ужасное несчастье?! Хотя, что уж тут понимать? Как ни старайся – не сможешь... Это выше понимания, выше всяких теорий и предположений, в общем, как ни крути – судьба, одно слово!

Коля, который был на три года моложе Варвары, вырос серьезным и ответственным человеком. С самого детства и до сих пор, несмотря на то, что был младшим, он старался сестру опекать и оберегать. Когда рядом с Варварой оказался Сашка, заботливый и нежный, Николай немного расслабился и попытался заняться собственной жизнью. Но теперь, после гибели Александра, он опять, как и прежде, чувствовал ответственность не только за сестру, но теперь и за ее маленьких детей, стараясь помогать им и морально, и материально.

В жизни Николая и без Варькиных проблем все было запутанно и сложно, а уж теперь-то... Хуже и не придумаешь.

Семейная жизнь Николая складывалась трудно.

Легко поступив в Московское высшее техническое училище – МВТУ – имени Баумана, он поначалу целиком погрузился в учебу. А иначе и нельзя было – вуз-то нешуточный, там тебя быстренько отчислят, если с головой не порядок. Но чуть позже Николай, вместо того чтобы только усердно постигать азы ракетостроения, на третьем курсе по уши влюбился, да не в кого-нибудь, а в дочь заведующего кафедрой. Друзья, узнав об этом, реагировали по-разному: одни – сочувственно кивали и пожимали плечами, мол, ну и угораздило тебя! Другие, удивленно вытаращившись, крутили пальцем у виска. А ему хоть бы что! Он только усмехался, твердо уверовав в то, что уж если смелость города берет, то тут сам Бог велел не сдаваться!

Да, бывает и такое! Влюбишься и обо всем на свете позабудешь... А уж девчонка ему встретила такая, что прямо дух захватывало – умная, смешливая, в меру капризная, в меру упрямая, очень чем-то похожая на его любимую сестру Варьку. Причем похожа, конечно, не внешне – здесь они ни в чем не походили друг на друга, а вот по характеру – будто сестры! Звали девчонку Юлькой. И надо же, добился Николай своего, стал с ней встречаться, но тут обнаружилась новая преграда. Отец Юльки, заведующий кафедрой, об этом узнал, возмутился, и давай студента «строить»! И лекцию, мол, пропустил, и на семинаре не выступал, и чертеж «запорол», и курсовую все никак не доделает! Донимал его, гонял, как говорится, и в хвост, и в гриву! Поначалу молодой человек не сдавался, бесконечно переделывал не принятые контрольные, не зачтенные лабораторные, перечеркнутые чертежи. Терпел, терпел Николай, а потом, когда и его ангельское терпение лопнуло, улучив момент, заявился прямо на кафедру, когда Сергей Федорович был там один. Вошел и, не поздоровавшись, прямо с порога так и бухнул:

– А что вас, Сергей Федорович, во мне не устраивает?

Обалдевший от такой наглости завкафедрой резко обернулся к вошедшему студенту и, строго поглядев на него поверх очков, негромко, медленно и очень жестко произнес:

– Я бы на вашем месте хотя бы поздоровался для начала.

Однако Николай, которому уже нечего было терять, ничуть не смутившись, сделал паузу, глубоко вдохнул и непринужденно произнес:

– Ну что ж... Здравствуйте, Сергей Федорович!

– Вот-вот, – не улыбаясь, кивнул в ответ Сергей Федорович, – уже лучше. Так... И о чем вы? Продолжайте, молодой человек...

Николай, хмыкнув, покачал головой и не остался в долгу:

– Ага! Значит, я не так безнадежен, как вам показалось поначалу? Говорить уже можно? Заведующий кафедрой изумленно уставился на студента:

– Я прямо дар речи теряю от вашей наглости. Все-таки вы – мой студент, не забываетесь...

Николай, которому теперь вожжа под хвост попала и которому уже терять было нечего, как говорится, пан или пропал, хитро прищурился:

– Ну что вы! Я полон почтения... Просто пытаюсь понять, есть все-таки у меня шанс или нет?

Сергей Федорович первым не выдержал, помолчал и вдруг захохотал во все горло, чуть откидывая голову назад:

– Ну, ты и фрукт! Да... Тебя голыми руками не возьмешь!

Отсмеявшись, он недоуменно взглянул на Николая:

– Ну? Что-то я все-таки не пойму – чего от меня-то, собственно, нужно?

Коля, не растерявшись, быстренько собрался с мыслями и выдал:

– Прошу официального разрешения встречаться с вашей дочерью.

Сергей Федорович ошеломленно развел руками:

– Ого, тебе палец в рот не клади – откусишь всю руку! Так уж и официального? Зачем это?

– Затем, – взглянул ему прямо в глаза студент, – чтобы вы, во-первых, были спокойны за Юльку, а во-вторых, не вставляли мне палки в колеса, а то я по вашей милости здесь на кафедре скоро ночевать начну

– Так уж и ночевать? – попытался схитрить завкафедрой. – Ты, мой друг, преувеличиваешь мою роль.

– Да где уж мне! – не поддался на хитрость Николай и серьезно взглянул в глаза профессору: – Ведь каждый день хожу и хожу сюда, то зачеты пересдаю, то лабораторные переделываю, то еще что-то...

Завкафедрой пристально посмотрел на молодого человека, который на самом-то деле ему очень нравился, и наконец не выдержав, махнул рукой:

– Эх, черт с тобой! Встречайтесь!

Николай, просияв улыбкой, чуть не заплясал от радости и, благодарно кивнув, молча выскочил в коридор, а потом, словно сообразив, что не попрощался, опять влетел на кафедру и, чуть не упав к изумленному профессору в объятия, громко выкрикнул:

– Спасибо. Спасибо, профессор! Гарантирую – не пожалеете!

Сергей Федорович, едва придя в себя от таких бурных эмоций, только рукой махнул, очевидно опасаясь продолжения беседы:

– Ладно, ладно... Иди уж... Герой!

Так, выиграв свой первый бой, Николай, влюбленный в профессорскую дочку Юльку, стал с удвоенной энергией за ней ухаживать. Боже, чего он только не придумывал! Подрабатывал дворником, чтобы иметь возможность покупать Юльке обожаемые ею тюльпаны, водить в театры и хоть иногда делать любимой какие-то подарочки. Начав работать после окончания вуза, засыпал ее цветами, сам, без чьей-либо помощи купил жене машину. А уж когда родилась дочка, то он по пожарной лестнице поднялся на третий этаж родильного дома и заорал во все горло, глядя в окно:

– Юлька, я тебя люблю!!! Юлька!!!

Закончилось дело тем, что перепуганные насмерть обитательницы палаты, несмотря на протесты Юли, вызвали охранника, и тот, ничего не слушая, выдворил нарушителя порядка с больничного двора, погрозив еще ему при этом кулаком.

Оскорбленный в лучших чувствах Николай сначала хотел дать охраннику в морду, а потом, передумав, лишь махнул рукой и, глядя в сердитое лицо блюстителя порядка, громко, на всю улицу, запел:

Без меня тебе, любимый мой,
Земля мала, как остров...
Без меня тебе, любимый мой...

Довольный и собой, и Юлькой, и своей шуткой Николай, утомившись на время, пошел домой. Но вынести бремя такой радости ему оказалось не под силу, поэтому он время от времени вдруг подпрыгивал, хохотал и начинал диким голосом распевать на всю улицу свои любимые песни, чем ужасно пугал поздних прохожих, испуганно шарахавшихся в сторону и ругавших его при этом последними словами.

В дочке, которую назвали Оленькой, Николай души не чаял. Он мог часами носить ее на руках, петь какие-то дурацкие, только что выдуманные песни, азартно рисовать вместе с ней красками и бесконечно ползать по полу, возя дочку на спине.

Все казалось очень славным и безоблачным. От счастья кружилась голова и выскакивало из груди сердце. И ничего не предвещало бури. Талантливый и ответственный Николай оказался востребованным специалистом. Его повышали, зарплата росла, и поначалу жене все это нравилось. Но однажды, когда Коле предложили новую, высокооплачиваемую работу, их счастье вдруг стало рушиться как картонный домик. Что с ними случилось? Куда делась их взаимная уступчивость и легкость отношений? Когда началось это непонимание? Как снежный ком росли взаимные претензии... Юле не нравилось, что Коля приходит поздно, что он вечно занят своей работой, что не уделяет ей с дочкой столько внимания, сколько ей хотелось бы. А Николая, до сих пор безумно влюбленного в Юльку, все это стало дико обижать, оскорблять, нервировать. Ему до боли в сердце было обидно слышать такие слова, он сразу как-то ушел в себя, закрылся, считая себя непонятым и безвинно оскорбленным. Стена отчужденности росла и росла, холод в их отношениях превратился в лед, сковавший любящие сердца. В общем, все как всегда... Все как у всех...

Терпение лопнуло. Они разъехались год назад.

Официально не разведенные, они, однако, стали считать себя совершенно свободными. Возможно, они совсем и не встречались бы, старательно избегая ненужных волнений и разговоров. Но вся загвоздка была в том, что Юлька за годы замужества очень сдружилась с Варварой, и когда с той случилась страшная беда, поддерживала ее, чем могла, стараясь хоть как-то облегчить страдания подруги. Все эти два года, встречаясь у Варьки дома, ни Юля, ни Николай глаза не отводили, общались спокойно, не допуская выяснения отношений. Да и какие выяснения – если у них росла их единственная общая дочка Оленька, которую оба обожали.

С самого утра сегодня Николай был немного, что называется, на взводе, он помнил, что наступивший день был днем, разрушившим Варькино счастье. Сегодня исполнялось ровно два года со дня той страшной аварии, которая унесла жизнь Сашки и отняла у его сестренки Варьки единственную любовь, сделав ее жизнь несчастной.

Глубоко вздохнув, словно собираясь с силами, Николай вошел в квартиру на четвертом этаже. Людей, в этот день пришедших почтить память Сашки, стало уже заметно меньше. Остались только самые близкие друзья и родственники. За столом, накрытым к чаю, тихонечко беседовали Александра Львовна и заплаканная седая дама, одетая во все черное. Только белей-

ший кружевной воротничок оттенял ее траурный наряд. Женщину звали Натальей Викторовной. Она была мамой погибшего Сашки.

Коля, взглянув на нее, вдруг почувствовал, как запершило в горле, а на глаза наворачиваются слезы. Он подошел поближе и порывисто обнял эту худенькую, седую, совершенно одинокую женщину:

– Тетя Наташа, здравствуйте!

Он так и называл ее тетей Наташей, как звал еще в те давние времена, когда Варька только-только познакомилась с Сашкой. Женщина, увидев Колю, как-то совершенно по-детски всхлипнула и уткнулась ему в грудь:

– Коленька, спасибо, что приехал!

– Да что вы, разве я мог не прийти? Как вы? Давненько вас не видел...

Наталья Викторовна подняла заплаканные, покрасневшие глаза на Николая и, слегка, как-то робко улыбнувшись, развела руками:

– Да как? Никак. Все у меня по-прежнему.

Коля взял ее за руку и крепко сжал:

– Держитесь, тетя Наташ! Вам еще малышей поднимать. Вы с мамой главная Варькина подмога!

Наталья Викторовна опять горько всхлипнула, но, сдержавшись, поспешно закивала:

– Конечно, конечно, Коленька! У меня ж совсем никого теперь и не осталось, только Варя да малыши. Да вы с Юлей...

Тут она, словно испугавшись, что сказала что-то лишнее, поспешно прикрыла рот ладошкой, а потом прошептала:

– Прости, дорогой, забылась... Прости. Как у вас с Юлей-то дела?

– Все так же, – Коля пожал плечами.

– Жаль, – Наталья Викторовна неодобрительно покачала головой. – Ты мне, Коленька, теперь родней родного, потому я и говорю тебе – напрасно вы с Юлей это затеяли! Ведь любите друг друга, а жизнь пролетит – не заметишь. Будешь потом локти кусать...

Она хотела еще что-то добавить, но, заметив, что Коле этот разговор не очень приятен, замолчала. А потом лишь кивнула в сторону Варькиной комнаты:

– А Юлечка здесь. Там, у Вари в комнате сидит. Ты пойди, поздоровайся, поговори, – она заговорщически подтолкнула Колю в спину, – иди, иди, не упрямясь!

Коля послушно кивнул, но сначала подошел к маме, чмокнул ее в щеку и тихонечко спросил:

– Ну, как тут?

Александра Львовна тяжело вздохнула, печально подняла на сына чуть опухшие от слез глаза и тоже шепотом ответила:

– Ничего. Все вроде ничего... С утра в церковь ездили, службу поминальную заказали, потом на кладбище поехали. У могилки посидели, цветов там, Коленька, сегодня столько! Все Сашины друзья приезжали, все помнят...

– Конечно. Как же не помнить, – он тоже вздохнул. – А Варька как?

Мама горько всхлипнула, но сдержалась:

– Ничего. Крепитесь. В церкви не плакала, а вот возле могилки как зарыдала, как упала! Господи! Еле подняли ее. Все звала его, так звала! Бедняжка...

Николай отвернулся, смахнул набежавшую слезу и опять обернулся к маме:

– А сейчас?

– Вроде бы успокоилась. Я ей капелек накапала, тех, что доктор после аварии выписывал, она полежала немного. Там Юля с ней, и Лиля приехала, и Катюша тоже... Молодцы, девчонки, не оставляют ее одну.

– Так, понятно, – Коля глубоко выдохнул, – ну, пойду и я с Варькой поздороваюсь.

– Иди, милый, иди, – Александра Львовна поправила волосы и, сделав было шаг в сторону, обернулась опять к Николаю: – Ася с Сенькой у Юли дома, с ее мамой, мы подумали, что так лучше будет, ведь здесь столько народу сегодня, суматоха, зачем им все это видеть и слышать.

– Ну и правильно, – согласно кивнул сын и направился к Варькиной комнате.

Глава 5

Лиля проснулась поздно.

За окном монотонно шелестел дождь, голова противно болела, настроение – хуже некуда!

Она полежала с закрытыми глазами, вспоминая вчерашний день, и сразу поняла, отчего сегодня так пакостно и тяжело на душе. Как же иначе? Вчера она весь день провела у Варьки, пытаясь ее немного отвлечь, успокоить. Да, два года прошло – как один день! Бедная Варька, поначалу она была как растение! Просто ела, просто спала, безразлично принимала лекарства, даже плакать не могла – не было сил. Долго-долго восстанавливалась, потом поднялась, стала ходить, вышла на работу. Вроде бы все ничего, но глаза! Боже мой... Это были не глаза, а сгустки боли и страдания. Лилька даже зажмурилась, вспомнив пустой взгляд подруги, устремленный в никуда. Страшно вспомнить и забыть невозможно! Лилька вздрогнула, словно опять услышав ужасные рыдания и крики Варвары, узнавшей о гибели мужа. Как такое пережить?! Лилька, сидя у Варьки в палате, старалась, как могла, отвлекать любимую подругу, рассказывала ей анекдоты, приносила фильмы, сидя с ней рядом – хохотала до слез, а выйдя оттуда, сама рыдала в коридоре, прислонившись к холодной больничной стене. Надо было срочно что-то делать. И как-то однажды, выйдя из больничной палаты, где вся забинтованная Варька лежала после операции, Лиля дала себе слово, что вернет подругу к жизни.

Во чтобы то ни стало! Обязательно! Чего бы это ни стоило!

Легко сказать, но нелегко исполнить обещанное...

Прошло два года.

Варька конечно же поуспокоилась, перестала бесконечно рыдать, к ней вернулась способность здраво рассуждать, глаза стали яснее, лучистее, но до сих пор улыбка так и не вернулась на ее лицо.

Лиля вздохнула, опять вспомнив вчерашний день.

– Нет, – сказала она сама себе вслух, – так не может больше продолжаться! Сашу очень жалко, но его уже нет, а ведь Варька жива! И жить должна! Дальше жить, детей воспитывать, ведь ей только тридцать!

Лиля понимала, что, скорее всего, все это кощунственно звучит, но при этом была совершенно уверена, что жизнь подруги может измениться. Все может быть... Все! Может, еще и любовь случится. Ну а как же?! Жизнь не стоит на месте, все продолжается. И как после зимы приходит весна, как после расставаний неминуемы встречи... И Варька, убитая горем, растоптанная и раздавленная смертью любимого человека, обязательно оживет, очнется, встретит того, кто поможет пробудиться вновь ее душе, кто заставит поверить в возможное счастье.

Представив все это, Лиля широко распахнула глаза и стремительно села в кровати, собираясь с мыслями. Она как раз относилась к таким натурам, которые, однажды что-то решив, шли к исполнению задуманного напролом, не считаясь ни с чем и ни с кем. Для нее просто не было ничего невозможного!

Да, да, да... Лилька была особенной, страстной, упертой и решительной.

Родилась Лиля далеко-далеко от столицы. Тогда еще процветал великий, нерушимый Советский Союз. А если точнее – то в самом сердце древней и прекрасной Армении, в городе Ереване. Папа девочки, армянин, занимал высокий пост в тогдашнем республиканском правительстве, а мама, кстати, русская по национальности, работа в школе, преподавая русский язык и литературу.

Лилька росла озорной и смешливой, прекрасно владея сразу двумя языками. Потом случился печально известный развал Союза, и папа, спасая семью и конечно же самого себя и свою карьеру, поспешно переехал в Москву. Здесь они прижились, Лилька Москву полюбила и стала считать именно ее своим родным городом. Яркая, черноволосая, но белокожая, с потря-

сающими глазами, длинноногая, Лилька всегда нравилась молодым людям. Но она, точно расставляющая приоритеты, раз и навсегда решила для себя, что сначала получит образование, а потом – все остальное. Сказано – сделано. Лилька легко поступила в медицинский институт, именно туда, куда в этот же год пришли учиться и Варька с Сашей.

Девчонки сразу познакомились и очень подружились. У них оказались общие интересы, склонности и увлечения. Отличались они только тем, что Варька оказалась крепко-накрепко привязанной своей любовью к Саше, а Лилька, никому и ничем не обязанная, легко меняла кавалеров, ни о чем не заморачиваясь и особенно не печалась.

Так и шли годы.

Варька с Сашей поженились, родили сначала сына Арсения (которого, кстати, крестила Лилька), через два года – дочь Анастасию, которую почему-то все звали Асей. Их семья росла и крепла, а Лиля все искала и искала того самого единственного суженого, которому могла бы доверить и себя, и своих будущих детей. Время поисков серьезно затягивалось, поэтому Лилька, не мудрствуя лукаво, взяла да и вышла замуж за парня с их же курса, который очень дружил с Сашей. Предприимчивая, она хотела сразу убить двух зайцев: и семью создать, и Варьке с Сашей сделать приятное, ведь ее избранник был близким Сашкиным другом. Но вот тут дело не пошло! План с треском провалился. Брак явно не удался...

Веселая, заводная, темпераментная Лилька никак не могла найти точек соприкосновения с мягким, тихим, интеллигентным мальчиком. Ей хотелось бурных эмоций, а ему – романтических вечеров, ее тянуло к друзьям, она обожала их с Варькой ночные посиделки у нее на кухне, а ему требовалась ласка, нежность и кротость, чего у Лильки и в помине не было.

В общем, как говорят, не сложилось...

Так и оказалась Лиля в тридцать лет одна-одинешенька, хотя это, честно говоря, ее совершенно не расстраивало и не тяготило. И уж абсолютно точно – «у разбитого корыта» она себя не ощущала!

После института они с Варварой выбрали одну клинику, где Варька лечила детей, а Лилька – женщин. Девушкам казалось, что у них самые нужные и востребованные специальности – педиатр и гинеколог, что может быть лучше?! Подруги были счастливы до того самого страшного, рокового дня.

Лиля переживала за подругу, очень ей сочувствовала, ночевала в больнице, рыдала от страха и отчаяния, потом сидела с ней дома, закупала продукты, носила детям подарки, но... Именно сегодня она вдруг, словно очнувшись, осознала, что пора глубокой скорби для любимой подруги закончилась и наконец наступило время активных действий, во всяком случае, для нее – это точно!

Однако как бы решительно ни была настроена Лиля, она все-таки понимала, что Варька, два года никуда, кроме работы, кладбища и больницы, не ходившая, добровольно ни за что не сдастся. Не захочет, будет упираться, плакать, найдет миллион причин и отговорок. Вытащить подругу, носившую до сих пор только черное, в магазины, а тем более в ресторан или театр, окажется делом нелегким. Но Лиля не была бы сама собой, если бы вдруг раскисла и сдалась, а жизненный девиз «нет ничего невозможного» ярко подтверждал и ее жизнелюбивую оптимистическую сущность, и упорство ее железного, пробивного характера. Теперь, после принятия такого важного решения, ей необходимо было выработать тактику и стратегию поведения.

Чтобы не тратить время попусту, Лиля сразу перешла к активным действиям. Она достала записную книжку, выбрала нужный ресторан, позвонила и заказала на следующую субботу столик, потом, подумав, набрала номер своей постоянной пациентки, работающей в театре помощником режиссера, и договорилась с ней об абонементе на двоих на весь предстоящий сезон, а затем, немного поболтав со своим стилистом, уговорила мастера «вклинить» и ее подругу в его уже давно полную месячную запись. Выполнив первую часть своего грандиозного плана по спасению подруги, Лиля, глубоко вздохнув, присела выпить кофейку. И тут,

как, кстати, и бывает всегда, ей внезапно пришла в голову новая потрясающая идея. Оставив на столе остывать нетронутую чашку кофе, она опять поспешно открыла телефонную книжку и, найдя нужный номер, быстренько его набрала:

– Алло?! Алексей Петрович? Ой, так давно вас не слышала... Здравствуйте. Как дела?

Собеседник на другом конце телефона что-то ответил, чем вызвал на лице Лили снисходительно-озорную улыбку. Сгорая от нетерпения, она, еле дождавшись своей очереди, выпалила в трубку, схитрив, конечно, при этом, но нисколько не заботясь о приличии:

– Алексей Петрович, вы уж меня извините, буду говорить быстро, тут, понимаете ли, пациентки ждут... Дело, собственно, вот в чем: хочу пригласить вас на свой день рождения. Удивлены?

Она громко захохотала и продолжила:

– Нет, не сегодня. Через три недели. Я позже позвоню, конечно, конечно... уточню место и время, хорошо?

Боясь, что телефонный собеседник откажется, она затараторила, не давая ему возможности одуматься:

– Специально заранее звоню, знаю, что вы человек занятой. Так мы договорились? Да?! Ну и отлично. Созвонимся.

Положив трубку, очень довольная собой Лилька присела за стол и глотнула совершенно остывший кофе. Вспомнив свой разговор, она захохотала – ничего страшного, что день рождения на самом деле через полгода, все это не важно! Боже мой, чего не сделаешь ради любимой подруги?!

Глава б

Юля умыла дочь и, взяв ее за теплую ладошку повела в спальню.

Оленька спать не хотела и все скакала и скакала на одной ножке вокруг матери:

– Мам, я спать не буду! Не буду, не буду! Слышишь, мам, я не хочу еще спать!

Юля терпеливо ее выслушала, погладила по головке и, улыбнувшись, ласково сказала:

– Слышу! Но спать нужно, солнышко мое! Пора! Время позднее, посмотри в окошко – уже темно.

Но Оленьке очень не хотелось ложиться в кровать и закрывать глазки, поэтому она опять стала придумывать всяческие причины, лишь бы ее не укладывали в постель.

– Мам, а к нам сегодня почему Ася и Сенька не приходили? А? Они что, заболели? Мам, а вдруг солнышко завтра не проснется? Что тогда? А вдруг завтра зима наступит? Представляешь? Мы проснемся, а там снег?! А, мам?

Юля устало улыбнулась бесконечным фантазиям своей дочери, а потом все так же терпеливо и спокойно ответила:

– Нет, малышка, все будет в порядке, не волнуйся. Зима не начнется раньше осени, а солнышко обязательно встанет раньше нас, и никто-никто не заболеет, не беспокойся!

– Да? А Ася с Сенькой где? – неугомонная дочь не сдавалась.

Юля серьезно посмотрела на свою малышку:

– Просто Асенька и Сеня сегодня будут ночевать дома.

– Да? А почему? Ну почему мам?

– Потому что их мама по ним сильно соскучилась.

– Да? А вчера почему они у нас спали?

Юля медленно начинала выходить из себя, но все же, прекрасно понимая, что нельзя показать дочке свои эмоции, присела на кровать, обняла девочку за спинку и тихо объяснила:

– Вчера у тети Вари был тяжелый день...

– Тяжелый?! – Оленька захихикала: – Она что, его в сумку кладет или взвешивает? Как она узнала, что он тяжелый?!

Юля, закипая, все же не сдавалась:

– Это так говорят, когда день складывается трудно.

Раздумывая над только что услышанным, дочь, наконец, затихла.

Скорее всего, детское любопытство оказалось на какое-то время удовлетворено, и Юля поспешила этим поскорее воспользоваться:

– Все-все, давай прекратим на сегодня все эти «как» и «почему» и быстренько укладываемся в кровать.

Девочка послушно переделась в пижаму, чмокнула маму и положила было кудрявую головку на подушку. Увидев это смирение, обрадованная Юля только-только хотела вздохнуть с облегчением, но не тут-то было, дочка, будто вспомнив что-то, опять села, откинув одеяльце:

– Ой, мамочка...

Юля, не выдержав, сердито обернулась:

– Ну что еще? – терпение приближалось к точке кипения, – разрешаю задать только один вопрос, так что подумай хорошенько сначала, что ты хочешь спросить. Ну?

Однако Оленьку строгий тон матери ничуть не смутил, как и всякая умная женщина, она просто сделала вид, что ничего не заметила и, обаятельно улыбнувшись, выдала:

– Мам, а где же папа? Почему он не приходит? Ведь обещал каждую неделю забирать меня к себе, а вчера не пришел и сегодня тоже...

Юлька поняла, что дочка просто скучает по отцу и, вернувшись, присела опять на краешек кровати, погладила дочку по головке и поцеловала теплую ручку:

– Малышка, поверь мне, папа тебя очень-очень любит, но вчера и сегодня у всех нас был сложный день...

– Тяжелый? – хитро улыбнувшись, перебила Оля.

– Да. Тяжелый. Очень тяжелый. Мы все: и я, и папа, и тетя Лиля, и еще много-много людей ходили к тете Варе домой. Именно поэтому Ася с Сенькой гостили у нас. Понимаешь?

– Ага. Понимаю.

Девочка серьезно поглядела на мать и вдруг кинулась к ней на шею:

– Ой, я так тебя люблю, мамочка!

Юля, внезапно расчувствовавшись, еле сдержалась, чтобы не заплакать. Поцеловав свою девочку, она, наконец, уложила ее и вышла из комнаты.

Юля с дочкой жили у Юлиных родителей.

И совсем не потому, что Коля их выгнал или не захотел отдать свою квартиру. Вовсе нет. Просто, когда они вдруг, не сговариваясь, заговорили о раздельном житье-бытье, Юля сразу и довольно твердо объявила Николаю, что переедет жить к своим родителям. Во-первых, это самые родные люди и им ничего объяснять не нужно; во-вторых, Олечкин садик находился от родительского дома в двух шагах; в-третьих, родительская квартира (профессорская) по своим размерам превосходила во много раз их общую жилплощадь. На том и порешили, поэтому Коля сейчас жил в их «двушке» на Вернадского, а Юля с Оленькой в родительских апартаментах на Ленинском проспекте.

Юля всегда казалась всем окружающим очень самостоятельной, сильной, иногда даже жесткой. Но именно казалась, так как на самом деле она в глубине души до сих пор оставалась тонкой, чувствительной и очень романтичной. Папа-профессор с детства воспитывал в ней умение отстаивать свое мнение, быть решительной и упорной, вот, вероятно, поэтому она такой и казалась окружающим, но знающие ее близко всегда поражались этому странному несовпадению. Ее внутренний мир отличался особой эмоциональностью, искренностью и лиричностью. Влюбившись когда-то в студента третьего курса, умного и энергичного, Юля сразу решила, что именно такой муж ей и нужен, она увидела в нем как раз такого человека, о котором всегда мечтала. Странно, что их с Колей расставание несколько не сказалось на ее любви, она не стала любить его меньше, просто в какую-то минуту поняла, что если они не разъедутся, то вот тогда и могут возненавидеть друг друга. Расставаясь, как это ни парадоксально, они спасали и себя, и свою любовь, и свое, возможно, будущее.

С Николаем они виделись очень часто, поначалу – так вообще каждый день. Юля не запрещала ему встречаться с Оленькой, помогать материально, привозить подарки и продукты. Она чувствовала, что для него это было необходимо, а раз так – значит так и будет, решила она, издали наблюдая за развивающимися отношениями дочки и мужа.

Юлька давно очень подружилась с Колиной старшей сестрой Варварой и, потрясенная тем, что с ней случилось, тоже долго не могла прийти в себя. Она по очереди с Лилей дежурила у Варькиной постели в больнице, варила ей какие-то специальные бульоны, делала массажи и помогала разрабатывать переломанные руки и ногу. Ей порой казалось, что Варька не Колина сестра, а ее – так близки они стали теперь.

Юля усмехнулась, присев на диван перед телевизором. Она вдруг вспомнила сегодняшний звонок Лили, Вариной близкой подруги. Та, так и не уgomонившаяся с возрастом, не обуздавшая свою дикую энергию и сумасшедший темперамент, громогласная и азартная, вдруг решила, что хватит Варваре себя хоронить, и взялась устраивать ее новую «нормальную» жизнь. Подумать только... Ведь так и сказала – нормальную! Юля поначалу лишь усмехнулась в ответ, а когда сообразила, что Лилечка не шутит, удивленно спросила:

– Боже мой... Лилечка, ты что, спятила?

– Почему это? – громко оскорбилась подруга.

– Как это – почему? Ты сама подумай! Ну? Напряги мозги, врач все-таки... Как ты себе это представляешь? И почему нормальную? Варька что, сейчас ненормально живет?

– Ты еще спрашиваешь! – возмутилась неугомонная Лилька.

– Да ты сама подумай-то, – хотела вразумить ее Юля, – она сейчас лишь немножко успокоилась, работает, восстанавливается после перенесенных травм. Сама знаешь, только теперь хоть иногда стала улыбаться... Ведь есть прогресс?

– Прогресс-то есть, – согласилась Лиля, – но я голову даю на отсечение, если мы ей не поможем – она так и состарится одна, без радости и счастья!

– Ну что ты несешь? – тут уж и спокойная Юля стала выходить из себя. – А дети? Разве это не самое большое счастье для женщины?!

– Да счастье, конечно, спору нет, но ведь дети взрослеют, растут, становятся самостоятельными, поэтому женщине обязательно нужен рядом человек, с которым не страшно состариться. И человек этот, прошу заметить – мужчина!

Очень довольная своими умозаключениями Лилька громко захохотала, а Юля, помолчав, тихонько проговорила:

– Знаешь, Лилечка, я тебе так скажу... Конечно, в общем-то, ты права. Другое дело, что я сомневаюсь в результате твоих хлопот и стараний. Но если у тебя получится что-нибудь, если ты сможешь изменить жизнь Вари – я буду счастлива за нашу подругу.

Лиля радостно хмыкнула и спросила прямо в лоб:

– Да? Значит, и помогать будешь?

Юля пожалала плечами, забыв, что Лиля ее не видит:

– Ну а что ж мне еще остается делать? Ты мне выбора не оставляешь. Как говорится, чем смогу – помогу!

– Отлично! – Лиля, добившись своего, быстренько закруглилась: – Ну, все, прощай, подруга. Побегу, жизнь бьет ключом...

Положив трубку, Юля в тот вечер еще долго сидела, размышляя о превратностях судьбы. Ну что ж... Дай бог, чтобы Лиля помогла Варьке выкарабкаться из этой страшной пучины горя, слез и отчаяния.

Дай бог... Хотя верится с трудом.

Глава 7

Паша Ковалевский родился в глухой Воронежской деревушке.

Деревня – крохотная, в одну улицу, запомнилась ему только тем, что там куры ходили прямо по дороге, телят пасли сразу за домами, а единственным транспортом, ежедневно раздрающим слух деревенских поселенцев, был отцовский мотоцикл, на котором тот, колхозный парторг, каждое утро уезжал на центральную усадьбу колхоза, а вечером возвращался домой. Отец – сначала комсомольский вожак, потом партийный чиновник – был человеком хоть и несговорчивым, прямолинейным и довольно резким, но прекрасно знающим, где и что можно сказать, а где лучше вообще промолчать. Он умел вовремя отвернуться, чтобы не подвести вышестоящего, и вовремя подать руку, чтобы поддержать партийного вожака. Это умение чувствовать конъюнктуру, в общем-то, и помогло сделать отцу карьеру в те застойные годы, когда добросовестные и ретивые партийцы ценились на вес золота. Мама же, не в пример отцу, образования совсем не имела. Поначалу, закончив школу, работала в телятнике, а позже, выйдя замуж за знаменитого комсомольского вожака, всю жизнь оставалась домохозяйкой. Мама всегда старалась быть незаметной, и главное, чего она больше всего хотела, так это угодить своему руководящему мужу. Мягкая, добрая и тихая, сына Павла, рожденного сразу после замужества, она обожала, жила его успехами и победами. А побед у Паши набиралось немало.

Родиться-то он родился в глухой деревне, но позже, когда подросла пора идти в школу, его отец уже дослужился до «чинов известных», и они радостно перебрались в большой и цветущий Воронеж. Здесь отец, дабы не отстать от местных, уже глубоко укоренившихся на этой плодородной земле чиновников, и «не ударить в грязь лицом», устроил шумное новоселье в предоставленной ему казенной квартире; со временем накопил импортных гарнитуров и, посоветовавшись с нужными людьми, отдал подросшего сына в лучшую городскую школу. Отец так ретиво взялся исполнять партийный долг, что первое время приезжал домой только переодеться да вздремнуть часа три. Думать о жене и сыне ему было недосуг, нужно было оправдывать оказанное партией и правительством доверие. Иногда, конечно, он все же вспоминал, что у него порастает сын, но по-настоящему все-таки отца волновала только школьная успеваемость, а уж чем Пашка занимается во внеурочное время, как и с кем проводит свободное время, он и думать не хотел. Не до того ему было... Но об этом позаботилась мама, старавшаяся дать единственному любимому ребенку все самое-самое. Видя, что мужу сейчас не до них, она, преодолев природную робость, сама отвела сына в Центральный дворец пионеров, где Павел сразу с радостью записался в несколько кружков и секций. Смелый и не по годам развитый мальчишка с удовольствием занимался карате, очень модным в те времена, шахматами, показывая в них отличные результаты, и даже пел в городском хоре, где один из ведущих педагогов громко восторгался его не по-мальчишески крепким и правильным голосом. Мама, Людмила Александровна, бесконечно гордилась своим одаренным сыном, а Павел, нисколько не обращая внимания на ее восторги, азартно и увлеченно отдавался любимым занятиям. Для него существовал только один критерий: нравится или не нравится. Если ему нравилось то, чем он занимался, мальчишка готов был горы свернуть, но обязательно стать лучшим, а вот если не нравилось, то никакие уговоры и доводы не могли его заставить прийти на занятия.

Подрастая, Паша все чаще стал задумываться о том, что такое счастье.

Поводом к таким неожиданным для подростка размышлениям стали его наблюдения за жизнью мамы. Он видел и чувствовал, что, несмотря на то что у нее было все, что только может быть у жены партийного работника, мама не производила впечатление счастливого человека. Она редко смеялась, не любила наряжаться, часто сидела задумавшись, глядя в одну точку. Интуитивно мальчик стал рано понимать, что счастье не в работе, не в большой квартире и уж точно не в деньгах и достатке. Он прекрасно видел, что маме не просто скучно или неинтересно

сидеть дома, он чувствовал, что именно отсутствие отцовского внимания делает ее несчастной. Однажды, придя со школы, он, взглянув на мать, сразу понял, что она недавно плакала.

– Мам?! Ты чего? Случилось что?

Женщина, не ожидавшая такого прямого вопроса, подразумевающего такой же прямой ответ, смутилась и покраснела:

– Да что ты, сыночек, ничего такого не произошло... Не обращай внимания.

Но Павел, вдруг рассердившись то ли на себя, то ли на нее, то ли еще на кого-то, насутился и довольно резко ее остановил:

– Перестань, мама! Я не ребенок уже! Мне скоро пятнадцать лет. Я вижу, что ты расстроена, и знаю, что ты часто плачешь и что сегодня тоже плакала... И не говори мне, пожалуйста, что все в порядке.

Людмила Александровна опустила глаза:

– Ой, да ты все неправильно понял.

Павел поджал губы, чтобы не сорваться:

– Мама!

Мать всхлипнула и прошептала:

– Ладно, ладно... Не сердись, дорогой мой... Я вижу, что ты совсем взрослый уже, но сказать мне правда нечего. Сыночек, ничего серьезного, просто плохо себя чувствую.

Павел понимал, что это конечно же ложь во спасение спокойствия в семье, но решил не давить на мать и сказал только:

– Если тебе плохо, что-то болит, почему к доктору не идешь? Вызови, наконец, врача домой, лечись или отцу скажи, он сам тебе врача самого лучшего пришлет.

– Конечно, конечно, не волнуйся, – засуетилась мама, обрадованная тем, что сын не стал разбираться дальше, – схожу в поликлинику обязательно. Завтра и схожу.

Чуть позже, когда сын уже сидел за обеденным столом, Людмила Александровна, поставив перед ним тарелку ароматного борща, ласково поцеловала своего мальчика в макушку:

– Ах, сынок, сынок... Вырос ты быстро! Как быстро! Вот уж годы бегут... Заботливый ты стал, внимательный! Дорогой мой...

И тут, сам не понимая почему, Пашка вдруг почувствовал, как в горле встал ком, а на глаза предательски навернулись слезы. Он резко обернулся и совсем как в далеком детстве обнял мать за худенькие плечи:

– Мам, ты только не плачь больше! Ладно? Не плачь! Я тебя в обиду никому не дам! Слышишь?

Людмила Александровна, не скрывая покотившиеся по лицу слезы, прошептала, кивая:

– Слышу, милый мой! Спасибо тебе. Мне жить станет легче только от мысли о том, что есть защитник у меня, опора в старости.

С того времени отношения матери и сына стали гораздо теплее и ближе. Они могли, сидя по вечерам на кухне, о чем-то поговорить, обсудить фильм или просто посудачить о родственниках и знакомых. Странно, но чем ближе становились мать и сын, тем все больше и больше отдалялся от них отец. Он, все время пропадающий в обкоме партии, дома появлялся редко, даже по праздникам чаще всего отсутствовал, а когда и приезжал домой, то молча ужинал, уткнувшись в какую-нибудь газету, смотрел телевизор, чаще всего новости, или работал в кабинете. С сыном отец обращался как с равным, поучать его не брался, но и откровений никаких, конечно, не допускал. Хотя отец был суров и скуп на ласку, он все же не скрывал, что ему приятны Пашкины победы и достижения. Глядя на кубки, выставленные на полках, и наградные медали, любовно развешенные матерью на стенах, отец удовлетворенно побряхтывал и, жмурясь, словно кот на масленицу, довольно говорил:

– Молодец, сын! Молодец! Фамилию нашу не позоришь! Мне за тебя не стыдно, и матери приятно! Так держать!

Павел и вправду имел в спорте поразительные успехи, в шестнадцать лет он уже имел первый взрослый разряд, выступал за город, область. Правда, справедливости ради надо сказать, что карате не стало его единственной любовью. Он с такой же страстью и увлечением занимался шахматами, показывая неплохие результаты. Обожал музыку, очень прилично играл на гитаре. Вот в школе, конечно, звезд с неба не хватало, но все же учился стабильно, без троек. Как-то на родительском собрании классный руководитель сказал, что основной чертой его характера является порядочность, и это было совершенно точно подмечено. Пашка вырос честным, добрым и справедливым – порядочным человеком!

Годы шли. Время неумолимо бежало...

Пашка вырос и становился красивым, высоким, совсем взрослым. Поступив в Воронежский университет на физмат, он так очаровал своими талантами всех факультетских девочек, что они ходили за ним гурьбой. А он, увлеченный учебой, новыми друзьями, спортом, казалось, их и не замечал. Однако жизнь берет свое...

Однажды зайдя в старый корпус, где давно и прочно обосновался филологический факультет, Павел был просто сражен таким средоточением в одном месте красоты, грации и элегантности. Как известно, у нас на филфаках учатся преимущественно одни девушки, недаром повсеместно этот факультет называют факультетом невест. Даже забыв поначалу, зачем он сюда зашел, Пашка, словно зачарованный, стоял посреди широкой центральной лестницы, вертя по сторонам головой и замирая от восторга. Девушки, спускаясь по лестнице, обходили его, удивленно поглядывая на растерянного красивого молодого человека. Некоторые из них, случайно наткнувшись на него, громко выражали свое неудовольствие, другие, старательно обходя, с интересом разглядывали, третьи – хитро подмаргивали и озорно хохотали. Пашка, покрасневшись, наконец, пришел в себя и, резко обернувшись, буквально налетел на девушку, стоящую у колонны в обнимку с огромной книгой. Та, не ожидавшая этого, покачнулась, но, к счастью, удержалась на ногах, зато книга, выпавшая из рук, покатила по лестнице вниз, жалобно шелестя пожелтевшими от времени страницами. Девушка, всплеснув руками, кинулась за книгой вниз, стараясь подхватить ее как можно скорее, Павел же, судорожно вздохнув, так и остался стоять на верхней ступеньке, с ужасом наблюдая, как книга катится все дальше и дальше, теряя страницы и громко хлопая по ступеням твердой кожаной обложкой. Ему казалось, что этот кошмар, превративший его в посмешище, никогда не закончится. Но, как говорится, всему есть начало, и всему есть конец...

Девчушка, наконец подхватившая книгу у самого основания лестничного пролета, медленно выпрямилась и, свирепо глядя на него снизу вверх, грозно двинулась прямо на Павла. Тот, вовремя сообразивший, что находится не на своей территории, сразу поднял руки, показывая тем самым, что виноват и готов к наказанию. Но на девушку эта его шутка никакого действия не произвела. Поднявшись по ступенькам, она, зло взглянув на молодого человека, громко сказала:

– Эй, ты... Чего встал на дороге?! Что ты улыбаешься как болван?! Тебя что, извиняться не учили? Пошел вон отсюда!

Пашка, совершенно оторопел от такого напора, лишь пожал плечами и, пытаясь обратить все случившееся в шутку, робко и примирительно улыбнулся:

– Да ты что? Я ж не специально. Ну чего ты кипишь? С каждым бывает... Извини.

Но девушка явно не хотела принимать извинения, и, сверкнув глазами, лишь прошептала:

– Фу! Шут гороховый!

Повернувшись, она быстро шагнула вперед и вскоре скрылась за поворотом коридора, убегающего в глубь старого университетского корпуса.

Вот так бывает...

Вроде бы и не сделал ничего ужасного, а на душе так противно и гадко, что выть хочется! Поникнув головой, молодой человек постоял еще какое-то время, собираясь с мыслями. Так и не придумав ничего такого, что могло бы в корне изменить сложившуюся ситуацию, расстроенный Павел вышел на улицу.

Город жил своей будничной жизнью.

Кто-то спешил на работу, кто-то на свидание, кто-то на вокзал... Кто-то смеялся, кто-то плакал... И никому во всем мире не было в ту секунду дела до молодого человека, стоящего у центрального входа в корпус филологического факультета.

Отчего-то Пашке стало очень грустно и муторно, на душе скребли кошки. Он хмуро оглянулся вокруг. Через дорогу шумел своими знаменитыми музыкальными фонтанами большой сквер, совсем рядом жила привычными заботами главная городская площадь во главе с монументальным зданием воронежского обкома, того самого, в котором много лет заседал его отец.

Жизнь шла своим чередом.

И ничего: ни Пашкины огорчения, ни чьи-то беды и проблемы – ничего не могло остановить ее бег. Вздохнув и расправив плечи, Павел медленно двинулся в сторону главного корпуса, туда, где обитал его родной физфак.

Глава 8

Ту неожиданную встречу с сердитой незнакомкой Пашка потом вспоминал часто. Даже ходил к тому корпусу университета, где когда-то случайно столкнулся с девушкой, но войти внутрь здания отчего-то так и не решился. И вовсе не потому, что чего-то или кого-то боялся, а просто стыдился своего бестолкового поведения в тот памятный день, своей нерасторопности, что ли... Ругал себя последними словами за несообразительность:

– Вот так тебе и надо, тупица!

Но правду, наверное, говорят, что от судьбы не уйдешь...

Пашкин друг, однокурсник и просто замечательный парень Семен, устраивал небольшой сабантуйчик по поводу своего дня рождения. Желающих попасть на это празднество оказалось великое множество, ведь все знали, что Семка – необыкновенный хохмач, прирожденный юморист и вообще душа-парень. Так рассказывать анекдоты, как это делал Семка, мог далеко не каждый, а так хохотать, как хохотал он, не мог никто в целом мире. Семен смеялся звонко, громко и так заразительно, что постепенно и все окружающие, даже если они до этого находились не в лучшем расположении духа, начинали сначала улыбаться, а потом и смеяться, вытирая текущие от смеха слезы! При всем при этом у Семки было еще огромное множество всяческих достоинств. Например, он прекрасно готовил, согласитесь – довольно редкое качество для нынешних мужчин... Или замечательно гладил рубашки (что, кстати, умеют делать далеко не все женщины, не говоря уж о мужчинах). Но самым главным Семкиным плюсом считалось то, что он умел так дружить, как могут не многие. Преданный, верный, честный – всего и не перечислишь, но именно эти качества и сдружили так Пашку и Семена, что они и дня не могли провести друг без друга. Вот уж дружба так дружба! И не в том дело, что она мужская или женская, а в том, что между ними, как и положено, установилось такое редкостное взаимопонимание, такое безграничное доверие, что и добавить нечего – настоящие друзья, как ни пафосно это звучит.

Итак, приближался очередной день рождения.

На грядущий день планов было громадье, желающих посетить это мероприятие оказалось великое множество, поэтому друзья долго раздумывали, как и где разместить всех возможных гостей. Павел предложил договориться с комендантом общежития и накрыть стол в красном уголке. Но Семен, чуть подумав, сразу отклонил это предложение:

– Да ну... Слишком официально и пафосно.

Пашка хитро прищурился:

– А почему нет? А? Зато все твои дыхательницы поместятся...

– Что? – нахмурился Семка.

– А что? Каждая вторая девчонка факультета мечтает о тебе, – невинно взмахнул ресницами Павел.

– Сейчас вот как тресну тебя по лбу, – улыбнулся Семен, сообразив, наконец, что это просто шутка.

– Тогда давай накроем столы прямо на улице, под окнами нашего дражайшего общежития.

– Что? – Семен даже позеленел от злости, ему казалось, что Пашка как-то несерьезно относится к предстоящему празднику.

– А что? – продолжал, стараясь не расхохотаться Павел, – прямо как деревне... И разговор сразу по душам пойдет, не нужно заморачиваться и программу развлечений придумывать, а?

Шутки шутками, но готовились друзья основательно. Решили накрыть стол в комнате – что же делать, лучше уж так, чем в безликом и холодном красном уголке. Сложили все,

что у них осталось от стипендии (благо учились оба хорошо и стипендия всегда скрашивала их студенческое существование, хотя мама Павла и старалась им подбрасывать иногда на развлечения), общежитские девчонки нарезали салатов, мама Пашки, Людмила Александровна, испекла в подарок Семке огромный торт. В общем, все как положено... Вечером, в субботу, все приглашенные с удовольствием уселись за тесный стол (как говорится, в тесноте да не в обиде). Решив не ждать больше опаздавших, ребята радостно загалдели и дружно подняли бокалы. Вот он, самый торжественный момент любого мероприятия...

Но именно в тот момент, когда Пашка на правах очень близкого друга встал, чтобы произнести рвущиеся наружу пожелания, вдруг открылась дверь, и на пороге неожиданно-негаданно появилась девушка, та самая, о которой вот уже несколько дней Павел думал не иначе как с замиранием сердца. Все удивленно обернулись. Повисла долгая пауза... Увидев множество устремленных на нее любопытных глаз, девушка ужасно смутилась и, вцепившись в дверную ручку, растерянно покраснела, ничего не понимая. Однако, быстренько придя в себя, она громко, чуть дрожащим от смущения голосом спросила, обратившись почему-то к Пашке, который все еще стоял с поднятым бокалом, так и не успев начать поздравительную речь:

– Ой... Извините, а Нину можно?

– Нину?

Павел озадаченно замер, пытаясь сообразить, кого из присутствующих здесь девушек зовут Ниной. Не обнаружив таковой, он беспомощно перевел взгляд на Семена, ожидая помощи:

– Эй, именинник, кто у нас здесь Нина?

Сидящие за столом студенты засмеялись, зашептались и, переглянувшись, разом выдали:

– Здесь такой нет... Нины нет!

Семен, сообразив, наконец, что девушка просто-напросто перепутала комнаты, встал и, пожав плечами, сказал совершенно потерянной от смущения и растерявшейся от такого внимания девушке:

– Мадемуазель, я думаю, вы ошиблись! Точно, ошиблись! Среди нас, к сожалению, нет ни одной Нины. Извините, что подвели вас и не оправдали ожиданий...

Все дружно захохотали, а девушка, широко распахнув глаза, вдруг и сама улыбнулась, сообразив, в какую нелепую ситуацию попала:

– Ой, ребята... Простите. Надо же... Я не туда попала!

– Это точно! – Семен развел руками, – как говорится, «шел в комнату, попал в другую...», но мне кажется, мы вам рады. Да, ребята? Так что можете смело присоединяться к нам.

Девушка, отчаянно замотав головой, забормотала было:

– Ой, да что вы! Нет-нет, спасибо! Я никого не знаю, и девчонки меня ждут... Нет, спасибо!

Она сделала было уже шаг назад, чтобы покинуть комнату, но тут вдруг Павел, сообразивший, что это и есть тот самый единственный шанс, который благословенная судьба дает каждому из нас лишь один раз, резко обернулся к девушке и громко проговорил:

– Эй, эй... Как это, никого? А я? Я, например, вас точно знаю! Помните, как по лестнице ваша книга катилась? Ну? Это я – тот самый болван и шут гороховый... Так вы, кажется, меня назвали? Так что, как видите, сам Бог привел вас сюда, чтобы дать мне шанс извиниться. Не уходите. У моего лучшего друга сегодня, кстати, день рождения я, а вы, между прочим, прервали меня на самом главном... Не дали торжественную речь произнести! Ну, давайте, соглашайтесь... А? Ну, правда, оставайтесь?!

Вот так они и встретились, чтобы уже не расставаться следующие двадцать лет.

Говорят, жизнь прожить – не поле перейти.

И то правда, чего только не случается! Кому-то судьба дарует много счастья, а кому-то посылает одни испытания... И неизвестно, что лучше.

Ведь пройдя сквозь беды и лишения, ты становишься лучше, чище, что ли... Начинаешь совсем по-другому относиться к людям и к себе. Прозреешь... Размышляешь, анализируешь. И вдруг в какое-то мгновение замечаешь, как много вокруг тебя тех, кому еще хуже, и твои беды становятся смешными! Ты видишь, что кто-то нуждается в помощи и поддержке гораздо больше тебя. И внезапно понимаешь, что если Бог дал тебе силы пройти сквозь беды, вынести все испытани, то обязательно и даст силы, чтобы выжить, чтобы поддержать тех, кто слабее. Это жизнь... У нее свои правила.

А годы шли и шли.

Павел давно повзрослел, возмужал, стал главой собственной компании, довольно солидной.

Двадцать лет пролетели как один день. Семейная жизнь не всегда мед, но эти годы, прожитые с женой, Павел всегда вспоминал с удовольствием. Всякое, конечно, бывало... И ссорились, и не разговаривали, и ругались в пух и прах! Что уж тут скрывать – хватало всего... О, еще как хватало! Но было самое главное – доверие, любовь и ребенок. А чего еще хотеть? Что еще для счастья нужно?

А годы бегут. Бегут, к сожалению...

Уносят в небытие и чувства, и веру, и еще что-то, без чего семейная жизнь уже не кажется такой милой и уютной. Вот и у них сложилось все как у всех...

Все изменилось в одно мгновение. Павел даже и не понял поначалу, насколько все серьезно. Татьяна, ласковая и нежная, заботливая и чуткая, уже стала профессором. Известный филолог, доктор наук, она сначала уехала в Америку читать лекции по русской литературе, потом, вкусив заграничной жизни и профессиональных успехов, решила там остаться на некоторое время, благо – предложения от университета были, а затем – как гром среди ясного неба – предложила Павлу развестись. Смешно подумать, но его дорогая женушка, дожив в браке до сорока двух лет, вдруг поняла, что ей, оказывается, хочется личной свободы и материальной независимости, которую она теперь, как показала практика, могла себе позволить.

Вот так. И стал Пашка, теперь уже Павел Владимирович, опять, совсем как в молодости, завидным женихом.

Ну что ж, это жизнь... Она умеет удивить!

Глава 9

Варвара закончила прием в поликлинике и тяжело вздохнула. День выдался суматошный. И детей много, и мамы какие-то нервные, одна даже на крик сорвалась. Да, сегодня проблем хватало. Ее медсестра и верная помощница, Любовь Николаевна, исподлобья взглянула на Варю и ласково улыбнулась:

– Ну как? Устали, Варвара Ивановна?

– Угу, – Варя запрокинула голову и, вытянув руки вперед, сильно потянулась. – Что-то сегодня время так тянулось, так тянулось, будто мы с вами здесь не один прием провели, а неделю без перерыва работали.

Любовь Николаевна согласно кивнула, перебирая и складывая медицинские карты на столе:

– Да-да... Что-то и вправду суматошно сегодня... Говорили же по телевизору, мол, день тяжелый, магнитные бури, давление.

– О, это они скажут, – Варя усмехнулась, – я этим прогнозам ни на грамм не верю! Обещают солнце, а льет дождь, прогнозируют ливень – на небе ни облачка!

Она взглянула на солидную стопку медицинских карт, лежащих слева от нее:

– Это что, на завтра?

– Да, – кивнула медсестра, – как говорится, «и вечный бой...».

– «Покой нам только снится...», – вздохнув, подхватила Варя и, улыбнувшись, махнула рукой, – ну и ладно!

Преодолеем! Идите домой, Любовь Николаевна, отдыхайте.

– Да куда там?! – пожалала плечами медсестра, – какой дом? У меня сейчас пятиминутка, старшая медсестра обещала устроить нам разнос, что-то мы там опять то ли недовыполнили, то ли недоглядели... А еще документы новые изучать будем, так что домой не скоро отправимся!

– Понятно. Ну ладно. Нет предела совершенству, так что занимайтесь, как говорится, хуже не будет. А мне тоже сидеть некогда, я сейчас по вызовам пойду, надеюсь, что их сегодня немного будет – лето все-таки, детишки меньше болеют.

Любовь Николаевна, согласно кивнув, вышла из кабинета. Варя же, встав из-за стола, немного постояла, стараясь не очень опираться на больную ногу – после операции она все-таки побаливала, иногда довольно сильно. Не снимая белоснежного халата, Варвара подошла к распахнутому окну.

Июнь безумствовал, покоряя всех своей жарой, зеленью и ослепительно голубым высоким небом. Яркое солнце словно стремилось затопить мир горячим светом, обжигая беспощадными лучами даже закрытые одеждой участки тела.

Варя подставила солнцу лицо и зажмурилась, ослепленная его безудержно-яркими лучами:

– Господи, – прошептала она еле слышно, – хорошо-то как!

Хотелось стоять так долго-долго, замерев, не двигаясь, не дыша... Ловить и ловить жаркие, слепящие лучи полуденного солнца и расслабленно шевелить пальцами рук, стремясь получить как можно больше тепла, запасаясь на предстоящую долгую зиму. Мысли о зиме показались ей сейчас смешными и нелепыми, Варя совсем по-девичьи засмеялась, чего с ней не случалось долгие два года:

– Вот глупая! Надо же такое придумать... Ну при чем же здесь сейчас зима? Лето в разгаре...

Варя и еще бы с удовольствием постояла перед распахнутым окном, но тут требовательно запел ее мобильник. Шопеновский «Вальс си минор», поставленный на звонок еще Сашкой,

настойчиво возвращал к действительности чуть разомлевшую на солнышке Варвару Она, взяв со стола телефон, ответила:

– Да?

– Варька?! – низкий, очень выразительный голос Лили радостно загудел в телефоне, – ты где? Чего трубку так долго не берешь?

Варвара, узнав свою любимую подругу и соратницу, непоседу и командиршу Лильку, весело откликнулась:

– Лилек, я, вообще-то, на работе!

– Да ладно, – было слышно, как Лили недоверчиво хмыкнула, – ты мне зубы-то не заговаривай, я все-таки на часы иногда поглядываю! Уже почти полчаса, как прием твой закончился.

– Ну, ты даешь, – удивленно покачала головой Варя. – Прямо тотальная слежка. Постоянная проверка, да и только.

– А то! – горделиво ответила подруга, – у меня не забалуешь! Здесь все под контролем!

Подруга весело захохотала. Ласково усмехнувшись ей в ответ, Варвара недоуменно спросила:

– А ты чего все-таки трезвонишь? Я-то тоже провалами памяти не страдаю, поэтому помню, что у тебя прием только-только начался... Отлыниваешь, бесстыдница?

– Ну, у меня, дорогая, все еще проще... Моя пациентка, очень избалованная особа, сегодня не приехала, перенесла свой визит на другой день. Я подумала, а чего время зря терять? Вот тебе и звоню...

– Ага, понятно. Ну, – Варька нетерпеливо сдвинула брови, – говори уже, не томи... А то мне и вправду пора выдвигаться, дети-то не ждут, болеют.

– Да, да, да... – заспешила Лилия, – вот ты мне скажи, ты сегодня что делаешь вечером?

– Я, – искренне удивилась подруга, – а что я могу делать? – Помолчав, Варвара грустно усмехнулась самой себе. – Я дома с детьми и мамой. Как всегда. Может быть, в сквере вечером погуляем, погода-то вон какая... Грех в доме сидеть.

– Это очень правильно! Умница! – одобрительно произнесла Лилия. – Только в сквере с детьми сегодня придется погулять Александре Львовне одной, а мы с тобой поедem в одно очень интересное место.

– Что? Куда это? – Варька сразу насторожилась.

– Ой, ой, ой... Да что ты сразу в стойку встаешь?! – сердито загудела Лилия в трубку. – Я прямо вижу, как ты вся побледнела от испуга... Ты, подруга, стала людей бояться, как черт ладана! Это плохо! Надо же, сразу в истерику! Ишь, закудахтала: «куда, куда...»

Варвара, не ожидавшая такой реакции на простой вопрос, удивленно пожала плечами.

– Ой... Да хорошо, хорошо. Успокойся! Съезжу с тобой за компанию, если тебе надо. Надо же, ты прямо как вулкан, сразу кипишь!

– Станешь тут с тобой вулканом, – Лилия вздохнула, – ты ж как гора – тебя не сдвинешь...

Варька опять пожала плечами:

– В общем, да... Мы с тобой, подруга, друг друга стоим. Итак... что там у тебя?

Они, поболтав еще немного, наконец договорились, что Лилия заедет за Варварой часам к семи. Прощаясь, Лилия строго напомнила тоном, не терпящим возражения:

– Смотри, Варька, не забудь! К семи собирайся! Слышала?

Отключив телефон, Варвара на мгновение задумалась, удивляясь такой Лилиной напористости:

– Странно, что у нее за дела такие? Почему такая срочность? Ой, – она обреченно махнула рукой, – дело ясное, что дело темное... Прямо с ума сойдешь с этой Лилькой!

Она задумчиво помолчала, но затем, подгоняемая стремительно убегающим временем, решительно сняла халат и, аккуратно повесив его в шкаф, поспешно вышла из кабинета.

Варвара любила свою работу.

Ей нравилось все: и то, что она лечит именно малышей, которые еще и пожаловаться толком-то не могут, и то, что мамы и папы доверяют ей и советуются, и то, что она постоянно ощущает свою нужность и значимость. А еще, что немаловажно и крайне редко, она очень любила своих коллег и была им благодарна. Вспомнив последние два года, Варя сразу помрачнела. Еще бы! Если бы не ее друзья и коллеги – не выкарабкаться бы ей так быстро! Когда с ней случилась та страшная беда, все врачи и медсестры их поликлиники, не сговариваясь, отправились сдавать для нее кровь, сидели возле операционной, когда хирурги собирали ее ногу по кусочкам, потом ходили дежурить по ночам, не разрешая Александре Львовне оставаться на ночное дежурство, ведь нужно было еще и Варькиных малышей растить, кормить, воспитывать. Варя долго не могла ходить, врачи вообще не верили поначалу, что она без костылей станет двигаться. Но ее упорство сделало свое дело. Сначала с костылями, потом с палочкой-тростью, затем – опираясь на плечо мамы или подруги, молодая женщина, собрав в кулак всю свою волю, училась заново ходить. Шаг, еще шаг, еще... Когда Варька сделала свой первый после аварии самостоятельный шаг, она упала в подушку лицом и так зарыдала, что сидящая тут же на стуле медсестра, приглядывающая за ней, не выдержала и, вытирая покотившиеся по лицу слезы, забормотала, глядя ее по спине:

– Ну, будет, будет тебе душу-то рвать! Радоваться надо, вон – шагаешь сама, значит, скоро и вовсе побежишь! Ну, ты чего?

А Варька рыдала и рыдала... До изнеможения, громко всхлипывая, сморкаясь и что-то бессвязно бормоча, а потом, затихнув, вдруг тихонечко, словно размышляя вслух, произнесла:

– Господи! Да разве ж о себе я плачу? О нем, о Сашке... Только о нем!

Медсестра, как и все в отделении, знавшая о трагедии молодой женщины, помолчала, глубоко задумавшись, покачала головой и ответила:

– Ой, девонька! Горе, оно и есть горе, что ж тут скажешь?! Да только ты не так думаешь, миленькая... Не о том, не правильно!

– Не правильно? – недоуменно подняла на нее опухшие, заплаканные глаза Варька. – Как же это? А как надо? Как правильно?

– А вот так, – женщина подвинула свой стул поближе к ней и ласково улыбнулась, – ты не рыдай, вспоминая, что его нет, не думай о том, что его не вернуть. Это до хорошего не доведет, от этого только тоска злющая нападет, изматает, душу высушит... Не так нужно! Ты должна, раз легче тебе теперь стало, так рассуждать: все, что я делаю сейчас, – это для него, в память о нем...

Варька, слушая ее, опять зарыдала, отчаянно мотая головой:

– Не могу! Не хочу памяти о нем, хочу видеть его, ощущать тепло, обнимать, разговаривать! Хочу, чтобы он жил! А его нет! Сашка!

С ней тогда случилась ужасная истерика. Прибежавший врач и еще одна медсестра крепко держали Варю, пока ей что-то кололи в вену, а на следующий день к ней пришел психолог. Женщина, на первый взгляд уставшая и довольно безразличная, оказалась отличным специалистом и вообще человеком с большим сердцем. Сколько часов она проговорила с Варварой, сколько вытерпела ее истерик, сколько видела слез... Но результат был налицо: выговорившись, Варвара стала спокойнее, рассудительнее, мыслила здраво и почти не рыдала. Она теперь могла хотя бы разговаривать о погибшем муже, смотреть его фотографии, а самое главное – сделала то, чего не делала ни разу до этого.

Она поехала на кладбище...

Его хоронили без нее, так как она сама лежала в тот день без сознания. А придя в себя, долго не хотела верить, что его нет, рыдала, не ходила на кладбище, не могла себя пересилить.

И вот...

После страшной аварии прошло полгода. Варвара, только ставшая самостоятельно ходить, еще сильно прихрамывала, подолгу говорила с психологом, мамой и подругами и, нако-

нец, заявила всем, что едет на кладбище к Сашке. И Александра Львовна, и Коля, и Лилька – все поехали с ней, но к могиле она пошла одна, уговорив всех не ходить за ней.

Стоял декабрь.

Малоснежный, ветреный, студеный. Но в тот день, как по заказу, было тихо и морозно, солнце, давно уже не гревшее, безразлично и холодно глядело свысока. Варвара медленно шла по протоптанной тропинке к невысокому холмику, отгороженному от всего суетного мира чугунной оградкой, выкрашенной в черный цвет. Шла, тяжело и неуверенно ступая... Она не плакала. Только судорожно сжав руки в кулачки, безмолвно и сосредоточенно глядела вперед, туда, где возвышался темный памятник с его фотографией. Ей казалось, что на ее ногах повисли гири, каждый шаг отзывался невыносимой болью. Сердце бешено колотилось, в ушах отчего-то звенело, губы пересохли... Она шла, еле дыша, боясь, что сердце разорвется на тысячи мельчайших осколков. Подойдя к памятнику, Варя пристально и внимательно посмотрела на его фотографию, откуда он, смеющийся, казалось, подмигивал ей... Закрыв на секунду глаза и облизав пересохшие губы, она вдруг всхлипнула и медленно, тяжело осела на землю. Обняв невысокий холмик, она прижалась лицом к ледяной земле и чуть слышно прошептала:

– Сашенька...

Без слез, без слов она, словно в забытьи, лежала на этом холмике, будто пыталась согреть того, кто там лежал, теплом своего тела. А потом, через несколько минут, чувствуя лишь страшный холод и пустоту, Варька вдруг истошно зарыдала, забилась, судорожно всхлипывая и обнимая его могилу:

– Сашенька, милый... Как же это? Как же ты мог?! Что теперь мне делать? Как же я без тебя... А-а-а!!! Саша!!

Александра Львовна, стоя в нескольких шагах от дочери, не в силах сдержаться, тоже горько заплакала, не зная, что делать. Подойти, поднять дочь с ледяной земли или дать ей выплакаться? Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы Николай, видя, что Варька совершенно потерялась от горя, решительно подошел и, взяв сестру на руки как ребенка, не донес до машины.

Вот так. Странно устроен человек, но именно после этой поездки на кладбище Варвара вдруг стала возвращаться к жизни. Занималась детьми, потихоньку передвигалась самостоятельно, готовилась выйти на работу, что-то несложное делала по дому, не столько помогая маме, сколько отвлекая себя от невеселых мыслей.

Время шло.

А время, говорят, лучший лекарь.

Вот теперь и два года пролетели как один день.

Глава 10

В огромной комнате известного в городе заведения, именуемого в народе Домом для престарелых, а в официальных бумагах значащегося как санаторий-пансионат для пожилых людей «Счастливая старость», громко играла музыка. Такое веселье здесь случалось не особенно часто, только по большим праздникам, к коим относились, безусловно, Новый год, День Победы и Восьмое марта, а также по дням рождения живущих здесь пенсионеров. Администрация пансионата не особенно любила такие дни – суеты много, хлопот хоть отбавляй, да и денежные расходы значительно увеличивались, но сделать ничего не могла, ведь марку хорошего заведения нужно было держать и пафосное название «Счастливая старость» как-то оправдывать.

В этой большой комнате, именуемой директором пансионата голубой гостиной, а жителями – игровой комнатой, повсюду стояли столы, на которых лежали всевозможные настольные игры, иногда и вправду увлекающие довольно требовательных и даже порой капризных обитателей заведения. В углу стояло черное пианино, накрытое пыльным чехлом неопределенного цвета, возле окна в огромной кадке произрастал неизвестный цветок, больше похожий, по мнению старшей медсестры, на африканскую пальму, а подле стен, выкрашенных в насыщенный голубой цвет (собственно, и давший название гостиной), уже порядком выгоревший, располагались громоздкие, но не очень удобные диваны. Эта большая комната, служившая местом празднования знаменательных дат, видела и много слез, и много радости на своем веку. Здесь знакомились, прощались, веселились, ссорились и даже влюблялись пожилые люди, навсегда поселяющиеся в Доме для престарелых, обещавшем сладкую, беззаботную и, что особенно важно, безбедную жизнь.

За столом слева расположилась группа мужчин, а точнее, стариков, увлеченно играющих в шахматы. Вернее, играли-то только двое, а остальные азартно болели, что-то громко советовали и укоризненно вздыхали, когда только что сделанный ход был, на их взгляд, неверным. Чуть в стороне, на угловом диване сидели три дамы преклонного возраста. Они явно молодились и кокетливо поглядывали на окружающих их стариков, чуть скашивая глаза и морща при этом чрезмерно напудренные носики. Дамы выглядели немного смешно, но все прощали им их кокетство, понимая, что каждый сам для себя решает, чем развлекаться и как проводить свободное время. Справа от входа за большим столом сидели несколько старушек, старательно двигающих длинными спицами и сосредоточенно шевелящих губами – считать петли их научила молоденькая девочка, приходящая по четвергам и ведущая кружок вязания. Еще несколько человек активно двигались по комнате, подходя то к одним, то к другим, смеясь, подпевая громко играющей музыке или споря о чем-то.

В общем, пансионат «Счастливая старость» жил своей обычной жизнью – неторопливой, размеренной и привычной. На первый взгляд казалось, что все обитатели этого казенного дома были безмерно счастливы и абсолютно спокойны. Но за этой привычной размеренностью и неторопливым спокойствием скрывались глубоко похороненные, спрятанные от чужих бестактных глаз и любопытных ушей бурные эмоции и былые страсти, семейные трагедии и терзающие душу потери близких и родных людей. Старость одинока по своей сути, и здесь, в пансионате, создавалась лишь видимость возможного счастья, иллюзия всеобщей радости и бесконечного успокоения.

Возле окна, выходящего в сад, одиноко сидела пожилая дама. Она внимательно и сосредоточенно глядела в окно, ничего, однако, там не видя. Даму звали Любовью Григорьевной. Старушка страдала болезнью сердца, которая называлась так мудрено, что и выговорить-то не всегда получалось. Дане памятью у нее иногда возникали какие-то проблемы. Сегодняшний день она могла бы повторить в точности до каждой секунды, а вот то, что происходило

с ней пять, десять, а тем более пятнадцать-двадцать лет назад, она порой вспоминала с трудом. Вообще эта дама казалась странным существом, в ней все было чересчур: слишком худа, слишком молчалива, слишком интеллигентна и воспитана. Обитатели заведения глядели на нее кто с сожалением, кто с жалостью, кто с сочувствием, а кто-то даже с опаской – неизвестно, что может выкинуть эта странная особа... Кому-то старушка казалась высокомерной, кому-то ужасно жалкой, а кому-то – необычайно интересной.

Ну что ж... У каждого из нас своя мера странности и порядочности, и те, кто ей не соответствуют, естественно, кажутся нам необычными и удивительными.

Любовь Григорьевна часами сидела возле окна, то дремля, то бодрствуя, то что-то бормоча себе под нос, то даже что-то напевая. Много и часто она читала, но чаще бесцельно глядела в окно, и тогда выглядела сонной или рассеянно-отчужденной, с потухшим, блуждающим взглядом. Однако в иные моменты все переменялось... Порой взгляд ее вдруг прояснялся, разум, словно очнувшись после глубокого наркоза, пробуждался, и она, будто найдя самое себя после долго отсутствия, просветленно улыбалась. Взгляд ее вспыхивал, освещаясь мгновенной радостью и счастьем, память, постепенно угасавшая в последнее время, сполна возвращалась к ней, и тогда она, беспомощно оглядываясь и как-то по-детски светло улыбаясь, судорожно вскакивала и почти бежала в свою комнату. Добравшись до нее, Любовь Григорьевна поспешно распахивала прикроватную тумбочку и, достав оттуда большой блокнот и ручку, начинала быстро-быстро что-то писать, низко склонившись, судорожно сжав пальцы и старательно выводя непослушные буквы.

Сегодня пансионат «Счастливая старость» жил привычной, размеренной жизнью. Дом он и есть дом, хоть для стариков, хоть для молодых – ничего особенного, все как всегда, все по строгому распорядку: завтрак, обед, ужин... И только смерть кого-нибудь из обитателей этого заведения сбивала привычный ритм существования и на некоторое время отвлекала стариков от обычных занятий. Что ж тут скажешь, жизнь – не простая штука, и для кого-то уход из нее – горе, а для кого-то просто возможность избавиться или ненадолго отвлечься от ненужных хлопот и затрат.

Александра Львовна, всю жизнь отдавшая медицине, и в том числе этому пансионату, пришла на работу, как всегда, за полчаса до положенного времени. Теперь она опять работала, а что делать? Пять лет назад мама Варвары ушла на пенсию, собираясь посвятить себя внукам и заслуженному отдыху. Но человек предполагает, а Бог располагает... Их спокойная, безмятежная жизнь закончилась в тот момент, когда огромная машина пронеслась, уничтожая все на своем пути. Смерть любимого зятя и долгое лечение дочки внесли свои коррективы. Поначалу Александра Львовна занималась исключительно домом и детьми, а потом, сообразив, что и ее деньги будут не лишними, вернулась на прежнее место, только уже, конечно, на полставки – и годы не те, да и домом все-таки заниматься надо. Здесь, в этом Доме, ставшем для нее за столько лет привычным и родным, женщина чувствовала и свою нужность, и какую-то защищенность. Работа для стариков – это ведь и некое спасение, и гавань, где они прячутся от своих переживаний, домашних забот, да и просто тягот преклонного возраста. Она любила, не торопясь переодевшись в кабинете, спокойно пройти по давно знакомым коридорам, заглянуть в гостиную, побывать на кухне, контролируя чистоту и соблюдение санитарных норм. Несмотря на то что она и сама давно официально значилась пенсионеркой, Александра Львовна в силу характера не переставала следить за собой: и волосы, совершенно седые, аккуратно укладывала, и халатик белый любовно отглаживала, и спину, согнувшуюся под тяготами времени, старалась держать прямо. Усидеть дома после трагедии дочери женщина не смогла – и деньги, естественно, нужны, да и общения с людьми не хватало. Пансионат, несмотря на свою казенность, был все-таки не самым плохим местом, где могли оказаться больные и прожившие довольно длинную жизнь люди. Здесь прилично кормили, пытались развлекать, как-то занимали досуг пенсионеров, время от времени обследовали у специалистов. А Александра

Львовна, как штатный терапевт, заботливо и внимательно следила за проживающими там стариками, стараясь вовремя если не подлечить, то хотя бы оказать необходимую первую помощь.

Сегодня женщина спешила в голубую гостиную. Зная наперечет всех жильцов, она особенно переживала за нескольких. И вовсе не потому, что они казались ей особенно одинокими или несчастными. Больше всего ее беспокоила их отчужденность и демонстративная независимость. Среди таких ее подопечных, тревожащих и притягивающих одновременно, Любовь Григорьевна являлась самой необычной. То, что дама могла совершенно отстраненно часами сидеть в кресле напротив окна, сутками молчать и не реагировать на обращенные к ней слова, казалось Александре Львовне по меньшей мере странным. Станным, если не сказать больше... Приглядываясь к необычно худой и молчаливо-суровой даме, Александра Львовна, как врач, старалась ей, конечно, не докучать, но исподволь все время ее разглядывала, пытаясь разгадать какую-то скрытую от посторонних глаз тайну. Ей казалось, что в жизни этой странной женщины была какая-то тайна. Все, совершенно все в этой очень пожилой даме казалось Александре Львовне необычным и загадочным. Она, кстати, уже не раз пыталась заговорить с Любовью Григорьевной, но та, внимательно выслушав обращенный к ней вопрос, лишь вежливо благодарила и деликатно отворачивалась, словно опасаясь слишком назойливого внимания.

Итак, сегодня, войдя в голубую гостиную, Александра Львовна внимательно окинула привычным профессиональным взглядом большую комнату. Все как всегда: и группки азартно играющих стариков, и увлеченные вязанием престарелые дамы, и мило сплетничающие на диване седые подружки – всё неизменно в этом благословенной обители. Она усмехнулась, ведь и сама не молоденькая, а вот же привыкла к своим подопечным относиться снисходительно, любовно-ласково. Но тут какое-то внутреннее беспокойство заставило ее озабоченно оглянуться по сторонам... так и есть! Возле окна в привычном кресле не оказалось Любви Григорьевны.

– Ого! – чуть слышно произнесла женщина, в которой тут же проснулись и профессиональная озабоченность, и чисто человеческое беспокойство, – что случилось?

Резко повернувшись на довольно истертых крошечных каблучках стареньких, но очень удобных туфель, Александра Львовна поспешно двинулась по длинному коридору. Беспокойство накрыло ее сразу и, не слушая никаких разумных доводов, подгоняло буйную фантазию. Стремительно подойдя к нужной комнате, чуть задержавшись и мягко постучав в дверь, женщина слегка приоткрыла ее, затаив дыхание.

Увиденное вызвало у врача некоторое недоумение...

У крошечного стола, стоящего впритык к кровати, сидела, чуть согнувшись, Любовь Григорьевна. Неотрывно глядя на лист бумаги, она старательно шевелила губами и увлеченно что-то писала в большом блокноте.

Глава 11

Лилька ровно в семь подъехала к знакомому подъезду и, мельком взглянув в зеркальце, весело подмигнула своему отражению и достала телефон. Варвара, ожидавшая ее звонка, сразу же ответила:

– Ну? Ты здесь?

– Да. Выходи. Только... – подруга замялась, словно подбирая слова.

Варвара, давно и очень хорошо знавшая Лилю, сразу насторожилась:

– Ну? Что? Что-то еще?

Тут Лилька уже без всякого стеснения выдала:

– Ты как там выглядишь?

Подозрительная тишина повисла в трубке, потом неуверенный голос Вари тихо спросил:

– Как обычно... А что? Нужно как-то особенно выглядеть?

– Ну, – Лиля замялась, – да, в общем-то, и не обязательно... Но желательно!

Ничего не понимающая Варя задумалась:

– Лиль, по-моему, ты темнишь... Давай сей же час выкладывай, что ты там затеяла?

Хитро усмехнувшись, Лилька, однако, очень серьезно ответила:

– Ничего. Честное пионерское! Выходи скорее.

Но, нажав на кнопку отбоя, тут же тихонько пробормотала, усмехаясь:

– Так я тебе и призналась! Ага! Сейчас... Спешу, аж падаю! Нет уж, вот устрою твою жизнь, тогда и признаюсь во всем.

Больше всего на свете суматошной, но преданной Лильке хотелось сейчас, чтобы ее дорогая Варька хохотала, как раньше, чтобы разгладились задумчивые складочки между бровями, чтобы красота ее засияла как раньше.

Еще раз взглянув в зеркальце, она опять подмигнула себе:

– Молодец! Так держать!

Прошло еще минут десять, прежде чем Варвара показалась в дверях подъезда.

Усаживаясь в машину, она озабоченно посмотрела на подругу:

– Слушай, но куда мы все-таки отправляемся? А? Что за тайны мадридского двора?

Говори сейчас же!

Лилька, округлив глаза, серьезно ответила:

– Ни за что... Это сюрприз! Но не волнуйся, – тут же опередила она следующий Варькин вопрос, – ни во что плохое или криминальное я тебя не втяну! Будь спокойна.

– Ага... Понятно. Ну что ж... Спасибо и за это, – вздохнула Варвара, – а то не знаю, чего от тебя и ждать, ведь буйство твоей фантазии превосходит все мыслимые и немыслимые границы.

Лилька снисходительно кивнула и вопросительно подняла брови:

– Да? Странно... А мне всегда казалось, что это мое неоспоримое достоинство.

Варвара улыбнулась и пожала плечами:

– Ну, это уж кому как... Я, например, совсем не хочу попасть в поле твоих непредсказуемых экспериментов.

Они посмеялись.

И одна, и вторая прекрасно знали все недостатки и достоинства друг друга и никогда бы не обиделись ни на шутку, ни на замечание. Да и какие на самом деле могут быть обиды между лучшими подругами?

Взглянув в окно, Варя уселась поудобнее, приготовившись ехать долго: в нашей любимой столице ведь куда ни ткни – или конец пробки, или ее начало – далеко не уедешь. С удовольствием откинувшись на спинку кресла, она прикрыла глаза, подумав при этом, что давно

уже не чувствовала себя так безмятежно и спокойно. С момента гибели мужа Варька поначалу вообще боялась садиться в машины, к тому же и ездить-то было некуда: круг ее интересов замкнулся: больница, процедуры, врачи... Потом, чуть позже, дом и дети, реабилитация. А еще позже только работа и домашние заботы. Да она особенно и не хотела никаких других развлечений – не до этого было, хотелось душу восстановить, оживить, что ли... Пробудить. Знала, что надо как-то жить, растить детей, а сил и желания не находила, все больше и больше погружаясь в мир глубокого отчаяния, безысходности и безнадежности. Так и жила бы, если бы не подруги, не оставлявшие ни на минуту ее одну.

Машина неожиданно резко затормозила и, чуть проехав, остановилась совсем. Удивленная Варвара открыла глаза:

– Что это? Ты чего остановилась?

– Как чего, подруга? – Лилька улыбнулась. – Приехали. Давай просыпайся.

– Да я и не спала, – Варька пожала плечами.

– Да? А что тогда? Мечтала?

– Да нет же! – Варвара откинула длинные золотые пряди волос на спину, – просто размышляла о жизни.

Лилька подозрительно взглянула на нее:

– О Саше думала?

Варька грустно улыбнулась:

– Да не знаю... Обо всем сразу.

– Ну, улыбаешься, и на этом спасибо! – Лилька, больше всего боявшаяся отчаянных Варькиных слез, облегченно вздохнула, а потом кивнула в сторону сверкающей вывески:

– Давай выходи, пойдём...

Варя, выбравшись из машины, с любопытством оглянулась:

– Ого! Это что? Куда мы приехали?

– Эх ты, москвичка! – осуждающе покачала головой Лилька. – Ведь это сейчас самое популярное место в Москве.

– Да? – Варя внимательно присмотрелась. – Конечно, я отстала от жизни, отстала... Да ведь за два года чего только не появилось в Москве, да только мне не до того было, сама знаешь...

– Ну, ладно, ладно, – спохватилась подруга, виновато обняв ее за плечи, – это я так... По глупости. Ничего, все наверстаем, ничего не упустим. Ничего! Пойдем.

Они подошли к зданию, и, открыв стеклянные двери, вошли в роскошный холл. Отвыкшая за два года и от светских развлечений, и от огромных сверкающих магазинов, и от модных салонов Варя сразу как-то оробела, ссутулилась и поникла. Она казалась самой себе каким-то инородным телом, попавшим сюда то ли по чьей-то ошибке, то ли по своей глупости. Но Лилька, эта умная и проницательная Лилька, все сразу поняла и почувствовала. Она обернулась к подруге и, ласково ей подмигнув, прошептала:

– Эй?! Ты чего тормозишь? Ну-ка... Разверни плечи, подними голову, и вперед – покажи-ка всем, что значит красота неопиcуемая!

– Ой, да ты что! – Варя, съездившись, испуганно спряталась за ее спину. – Ты спятила, что ли? Какая еще красота? Зачем мы сюда? А? Ты знаешь что? Ты иди, а я тебя лучше в машине подожду.

Выпалив все это на одном дыхании, Варвара резко повернулась и чуть ли не бегом кинулась к огромным стеклянным дверям. Охранник даже удивленно привстал, не понимая, что здесь происходит, и, очевидно, соображая, стоит ли ему вмешаться или ситуация как-нибудь сама разрулится. Но Лиля, как, впрочем, и всегда, оказалась начеку, она все же успела схватить свою совершенно растерявшуюся подругу за платье и, потянув к себе, сердито проговорила:

– Куда?! Что ты, как чумная, скачешь? От чего бежишь? Салонов красоты, что ли, не видела?

Барвара, прекрасно понимая, что минуту назад выглядела по меньшей мере смешно, все же не сдавалась:

– Лилечка! Ну зачем мы здесь? Неловко мне, понимаешь? Отвыкла я от всего этого...

– Понимаю, – согласно кивнула подруга, – но нельзя же как страус прятать голову, жить же как-то нужно.

И, видя, что Варя колеблется, она, не теряя времени, пошла в наступление:

– Ну, сама подумай... Два года же прошло, два!! Ты же с людьми общаешься, с родителями, с детьми, неужели не хочешь как человек выглядеть?

– А я что? – растерянно взглянула на нее Варя, густо покраснев, – я так плохо выгляжу?

– То, что ты красавица, все знают, – уклонилась от прямого ответа Лиля, решив пощадить самолюбие подруги, – но на руки свои взгляни... сколько времени ты маникюр уже не делала? Да и за лицом можно поухаживать: массажик, масочку, пилинг... Это все не помешает, а только усилит твою природную неотразимость! А? Ведь нет предела совершенству, Варька?! Согласна?

– Ой, даже не знаю... – нерешительно протянула Варя, совсем поникнув. – Может, все-таки не надо, а?

Но Лилька, видя, что подруга вот-вот сдастся, поднажала:

– Давай, Варька, соглашайся! Выйдешь отсюда помолодевшей лет на десять! Ну?!

– Да зачем мне это, – махнула рукой Варя, уже, однако, не сопротивляясь, а потом, чуть подумав, решила: – Ну, пойдем уж... раз приехали.

Внутренне ликую, Лилька, впрочем, ничем себя не выдала. Очень деловито и сдержанно прошла вперед, поздоровалась с мастером, рассыпавшимся в комплиментах, и, кивнув на Варю, негромко сказала:

– Ты вот что, Ленья... Эту прекрасную даму нужно привести в боевой порядок. Лицо, руки, ноги и так далее, все, что положено по списку. Да не ленись, дружок, мы за ценой не постоим!

Мастер, подобострастно улыбнувшись Лиле, восхищенно развел руками:

– Ой! Даже не знаю, как подступиться к такому бриллианту?!

Но Лиля сурово прервала поток бессмысленной витиеватости:

– Ну, все, все... На то тебе и руки даны, работай, дружок! Старайся, за бриллиантом тоже ухаживать надо, чтобы не потускнел.

Уже давно стемнело, когда подруги вышли из салона.

Лилька, взглянув на Варю, одобрительно хмыкнула:

– Хоть и льстец Ленька, а дело свое знает, паршивец! Знает!

– Да? – смущенно подняла на нее глаза Варя, – все хорошо?

– Ой, Варька! – звонко причмокнула Лиля, – хорошо – не то слово! И вправду – бриллиант! Просто блеск!

Подруги, взглянув друг на друга, вдруг громко рассмеялись. Варвара и впрямь будто помолодела, а Лиля удовлетворенно хмыкнула, подумав при этом: «Оживает Варюшка! Честное слово, оживает!»

Варя, словно почувствовав, что Лиля думает о ней, вопросительно взглянула на нее, перестав смеяться:

– Ты чего?

Лиля, вдруг отчего-то растрогавшись, ласково кивнула ей, тихо-тихо проговорив:

– Знаешь, Варька, когда-нибудь мы с тобой будем вспоминать этот день как начало твоей новой жизни!

– Да? – так же тихо произнесла Варя, внезапно остановившись и повернувшись к Лиле, – новой? Какой такой новой?

– Другой, – убежденно сказала подруга, мечтательно глядя вдаль, – не хуже и не лучше той, что у тебя была. Просто другой... Дру – гой!

– А разве может быть еще что-то после того, что случилось? Без него? – Варя широко распахнула глаза, вопросительно обернувшись к Лиле.

Лилька убежденно кивнула:

– Конечно! Ты молода, хороша собой, умна... Ты будешь всегда его помнить, всегда! Но жизнь не стоит на месте, поверь мне, дорогая. Просто поверь! Однажды, когда-нибудь все еще будет... Обязательно!

– Однажды, когда-нибудь... – тихо, как эхо, задумчиво повторила Варька слова подруги. – Однажды... Когда-нибудь.

Глава 12

Павел Владимирович, сердито нахмурившись, устало откинулся на высокую спинку удобного кожаного кресла.

«Вроде бы и не понедельник, а дела не идут, просто не везет сегодня! – Он взглянул на часы: – Ого! Почти девять... Надо домой отправляться».

Генеральный директор и, собственно, владелец огромной компании, он почти все время проводил на работе. Забот всегда было столько, что он порой забывал даже поесть, вспоминая о хлебе насущном только тогда, когда уже вовсю засосет под ложечкой. Сегодня, правда, он успел пообедать, но и то благодаря тому, что его вечный и верный друг Семен (теперь еще и партнер по бизнесу) в третьем часу дня заехал в офис, вернувшись из длительной командировки. Он вошел, смеясь, обнял друга, но, присмотревшись, даже присвистнул:

– Ого! Ну-ка поведай, отчего это ты так осунулся? Что происходит? Сколько меня не было в Москве? Десять дней?

– Четырнадцать, – сухо и деловито поправил его Павел, – а что? Сильно постарел?

Он попытался отшутиться, но не тут-то было, Семка шутку не принял, сдвинул брови и, уже серьезно и придирчиво посмотрев на друга, встревоженно переспросил:

– Так, значит, что-то все-таки случилось? Да?

Павел глубоко вздохнул, потер уставшие от долгого сидения за компьютером глаза и пожал плечами:

– Не поверишь – ничего! Ну, если не считать всяких мелочей... Но что-то их так много набирается, что это меня начинает выбивать из колеи... Как бы мы сдачу второй линии не запорол!

– Так, так, так...

Семен расстроено плюхнулся в кресло напротив друга и недовольно сдвинул брови:

– Ага... Плохие новости. Вторая линия – это вам не шутка, а что там такое?! Да, похоже, что сегодня обед отменяется!

– Ну уж нет!

Павел резко встал из-за стола:

– Обедать пойдем обязательно, а то я тут один без тебя совсем отошал... Ну а за обедом и дела наши насущные обсудим, как уж без этого.

Обед затянулся.

Друзья успели обсудить и дела, и новости бизнеса, и «козни» конкурентов, а уже прощаясь, еще и о домашних своих вспомнили.

Семен, подойдя к машине, вопросительно оглянулся:

– Как мама поживает?

Павел вздохнул, пожав плечами:

– Хандрит. Возраст, что ли... Ведь с тех пор как папы не стало, все болеет. Вот ведь вроде бы и любви-то особенной между ними не было, а привязанность, оказывается, сильнее любви бывает.

– Тоскует, – согласно кивнул Семен.

– Да. Тоскует, – тихо повторил Павел.

– Людмила Александровна как-то сразу сдала. Все держалась, держалась, а потом враз постарела. – Семен грустно улыбнулся и развел руками: – Жизнь, будь она неладна...

Он сразу помрачнел, вспомнив неожиданно и свою хохотушку Валу, умершую при родах и оставившую ему сына, которого он так один и вырастил, благо мама всегда рядом, да вот и она тоже, как и мать Павла, стала стремительно стареть.

Семен задумался.

Годы идут. Убегают, оставляя за собой разрушенные судьбы, унося любимых, забирая самых дорогих.

Павел, взглянув на поникшего друга, сразу понял, о чем тот думает, и, боясь расстроить Семку еще больше, резко сменил тему разговора:

– Ладно, дружище... Ты поезжай домой сегодня, отдыхай после дальней дороги, набирайся сил, а завтра, уж не обессудь, впрягайся, дел-то по горло.

Он тепло и ласково похлопал Семена по плечу и пошел было к своей машине, но тут Семка, словно вспомнив что-то, вдруг громко его окликнул:

– Пашка... А ты помнишь наши посиделки в общаге?

– Господи! – От неожиданности Павел чуть не споткнулся и, остановившись, изумленно уставился на Семена: – Вот уж чего не ожидал! С чего это ты? Ностальгия?

– Не знаю, – честно признался друг, смущенно улыбувшись, – просто отчего-то вспомнил, как мы сидели по ночам, пели под гитару, танцевали внизу, жарили картошку...

Он помолчал, пожал плечами:

– Старею, что ли?

Павел удивленно хмыкнул, а потом махнул рукой:

– Да нет... Не думаю. Просто ты устал, работа задавила, как говорится, все чувства и эмоции. Да и давно мы не собирались вместе. Очень давно! А что? Давай, что ли, в ресторан сходим как-нибудь вечером, а? Может, напьемся? Давай?!

– О! Вот этого не надо! – расхохотался Семен, представив сразу, как два уважаемых мужчины, пьяно качаясь, выходят из ресторана. – Не забудь: ни тебя, ни меня некому будет дома откачивать и отпаивать огуречным рассолом, так что давай попросту: сходим посидим, на людей поглядим, отдохнем.

– Все... Решено! Пойдем, раз напиться нельзя, так хоть посидим, на людей посмотрим, – согласно кивнул, смеясь, Павел и, на прощание крепко пожав другу руку, решительно пошел в сторону машины.

Надо спешить. Время не ждет, к сожалению...

...Семен неторопливо поднялся на третий этаж.

В их доме конечно же был лифт, но он давно уже взял себе за правило ходить по лестницам пешком. И надо сказать, давши однажды себе слово, он старался его никогда не нарушать. Да, конечно, – «никогда не говори никогда», это все верно, бывают и исключения из правил, но Семен все же пытался выполнять это свое решение всегда. Или почти всегда – это же жизнь, всего не предусмотреть! Поднявшись на третий этаж, он глубоко вздохнул и с удовлетворением отметил, довольно улыбувшись, что почти не запыхался. Подойдя к двери, Семен поспешно достал ключ из своего портфеля, верного спутника всех его бесчисленных командировок, но воспользоваться им не успел, так как именно в это мгновение дверь бесшумно открылась и прямо навстречу ему из квартиры шагнул высокий стройный светловолосый юноша.

Увидев Семена, юноша резко остановился и радостно воскликнул:

– Ого! Ну, наконец-то! Привет! – Он поспешно наклонился вперед и обнял Семена за плечи: – Что-то ты долго в этот раз?

Мужчина ласково похлопал юношу по спине и, любовно оглядев его, одобрительно кивнул:

– Здравствуй, сынок! Ну как ты? Уходишь?

Сын Семена, не скрывающий своей радости, как-то совсем по-детски заторопился, засуетился:

– Да ладно, завтра схожу. С тобой останусь, соскучился.

Семен даже слегка покраснел, ему вдруг стало так тепло и радостно от того, что сын его, Андрюшка, вырос таким добрым, ласковым и прямым, совсем как он в юности. Переговариваясь и по-доброму подшучивая друг над другом, они вошли в квартиру и сразу же попали

в руки Лидии Ивановны, Семкиной мамы. Она, сухонькая, маленькая, чистенькая, была на самом деле строгим командиром и рулевым, ведущим эту небольшую семью, отвечающим за их семейный комфорт, порядок в доме и щедро дарящая своим дорогим мальчишкам необыкновенную бескорыстную материнскую любовь. Увидев сына, вошедшего в квартиру в обнимку с внуком, Лидия Ивановна просияла морщинистой лучистой улыбкой:

– Семочка! С приездом, сыночек!

Она неторопливо подошла и уткнулась сыну в грудь. Он снисходительно, но очень ласково чмокнул ее в седую голову:

– Здравствуй, мамочка! Ну что? Все у вас в порядке?

Лидия Ивановна, недолго пребывая в радостной эйфории, тут же выпрямилась и, перейдя на свой обычно строгий тон, чуть сварливо, чуть насмешливо проговорила:

– Ой, сынок! С Андрюшкой разве соскучишься? Только первый курс закончил, а возмнил себя взрослым мужчиной, все пытается меня в рамки какие-то установить, грозит лишиться права слова...

– Ого! – громко захохотал Семен, с облегчением чувствуя себя, наконец-то, дома и сразу расслабляясь душой и телом. Он давно привык к словесным дуэлям бабушки и внука. И, очень любя их обоих, старался никогда не вставать на чью-то сторону, убежденно соблюдая спасительный нейтралитет. Он знал, что за этой напускной суровостью и внешней придирчивостью матери скрывается бесконечная нежность и любовь к внуку, а поэтому никак не реагировал на их словесные выпады и баталии, лишь изредка, в совершенно исключительных случаях, вставлял свое веское слово, к которому, надо отдать должное, безоговорочно прислушивались и мать, и сын.

Как и все люди, которые очень долго живут вместе, мать, сын и внук прекрасно знали и все слабости друг друга, и особенности характеров, привычки и наклонности. Вот и теперь, встретившись после командировки Семена, все члены этой небольшой, но дружной семьи собрались на небольшой кухоньке и, перебивая друг друга, стали делиться новостями. Пока Лидия Ивановна собирала на стол, сын захлеб рассказывал отцу о том, что его сейчас так волновало: о трудной сессии, о своих удачах на этом поприще и неудачах Сереги, его верного Санчо Пан-сы. Семен посмеялся, слушая сбивчивый рассказ сына, и только хотел что-то вставить, как слово взяла строгая Лидия Ивановна:

– Так... Хватит болтать, давайте-ка к столу.

Семка обернулся к матери и негромко попытался отказаться:

– Мам, я, в общем-то, не голоден.

– Как это? – грозно сдвинула брови хозяйка.

– Да мы с Павлом в ресторане пообедали, я ж на работу заезжал...

– Понятно, – чуть обиженно протянула мать, – но это не повод отказываться от еды. Давай-ка вот котлетку или блинчик... Еще теплый, так и просится в рот!

Лучистые глаза матери внимательно взглянули на сына:

– Исхудал-то как... Попробуй что-нибудь.

Семка громко захохотал, откинув голову:

– Мама! Опомнись! Как исхудал?! Поправляюсь как на дрожжах...

Сын критически оглядел отца и насмешливо скривился:

– Да, бабуль... Зрение у тебя явно сдает!

Однако Лидия Ивановна, ничуть не смущаясь, тут же парировала, шутливо погрозив при этом Андрюшке кулаком:

– А ты поучи еще бабку, поучи! Ишь! Зрение сдает... Вот мы поговорим с тобой, когда ты до моих лет доживешь!

Андрей в ответ лишь миролюбиво кивнул, спокойно пожав плечами:

– Обязательно поговорим! Вот как мне только стукнет семьдесят, так и побеседуем... Присядем в уголок на диванчике и начнем... Ох и наговоримся!

Все дружно рассмеялись.

Семен женился гораздо позже своего друга.

Давно уже отгремели Пашкины свадебные колокола, у него уже стала подрастать маленькая дочурка, а Семка все никак не мог найти ту единственную, с которой хотел бы прожить всю жизнь и вместе состариться. Порой ему казалось: вот она – та самая, ради которой можно весь мир перевернуть. Но проходил месяц, другой, третий, и он убеждался, что все это не то, не та... Это казалось странным, ведь Семен, веселый, неугомонный, преданный и верный, всегда был на полшага впереди своего друга. Он, замечательный рассказчик, весельчак и выдумщик, вдруг как-то растерялся, сообразив, что просто не может остановить свой выбор на одной девушке. Ему то все казались хороши, то все казались неестественными, напыщенными, ненатуральными. Чего он искал? Он и сам сначала не понимал, но как-то неосознанно стремился к чему-то заветному, чистому, светлomu. Ему хотелось какой-то особенной доверительности, легкости, что ли... Время шло. Павел как-то даже непонимающе спросил:

– Слушай, Семка? Ты опять с девушкой расстался?

– Да. – Семен погрузился.

– А почему? – не унимался Павел, – вот ты мне объясни, почему?

Семен пожал плечами:

– Да не знаю.

А потом как-то удрученно добавил:

– Ну, не то это... Понимаешь?

– Нет, – честно признался друг, – не понимаю. Что не то?

– Даже не знаю, как тебе сказать, – Семен вздохнул, – это на уровне чувств, что ли...

Ну, нет любви – и все тут!

– Так, может быть, любовь не сразу рождается, а? – Павел пристально взглянул на друга, – может, время нужно для нее?

Но Семен упрямо мотнул головой:

– Нет, я сразу бы почувствовал! Ты думаешь, мне не хочется семью иметь, детей? Но не могу я не доверять собственной интуиции, понимаешь?

– Ну, ну... – Павел ухмыльнулся и развел руками: – Ладно, дружище. Ищи свою суженую, что ж с тобой поделаешь... Только смотри уж, чтобы твои поиски до старости не затянулись, а то будешь беззубым стариком жениться!

Опасения Павла, к счастью, не сбылись, Семен женился раньше, чем потерял зубы. Ту самую, единственную, он встретил, как ни странно, в стоматологической клинике. Пришел лечить зуб, который спать не давал уже который день, а войдя в кабинет, забыл и о зубе, и о боли... Девушка даже не поняла сначала, зачем он явился, так как вместо рассказа о зубе он только бессвязно мычал и краснел, а потом, чуть придя в себя, что-то невнятно бормотал. Она не выдержала и громко расхохоталась, предложив ему немного посидеть в коридоре, чтобы вспомнить, зачем он сюда явился. Но Семка, сообразив, наконец, что выглядит по меньшей мере глупо, взял себя в руки и, обретя свое обычное чувство юмора, тоже рассмеялся. Так и пошло... Она, умная, тонкая и прозорливая, сразу все поняла и не мучила его отказами и сомнениями, потому что тоже полюбила его внезапно и сильно. Вот и не верь после этого, что у каждого из нас есть на этой земле вторая половинка, которую только нужно непременно найти, а то счастья не видать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.